

МИХАИЛ ЗАДОРНОВ

РУНЫ ВЕЩЕГО ОЛЕГА

ВАЛЕНТИН И ЮЛИЯ ГНАТЮК

У истоков Руси

Михаил Задорнов
Руны Вещего Олега

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Задорнов М. Н.

Руны Вещего Олега / М. Н. Задорнов — «АСТ», 2016 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-17-109511-6

«Руны Вещего Олега» — книга, написанная Михаилом Задорновым совместно с Валентином и Юлией Гнатюк, авторами ряда книг на древнеславянскую тематику, среди которых и замечательная трилогия о князе Святославе. В этой книге подробно рассказывается об одной из самых загадочных фигур в русской истории. Вещий Олег — легендарный князь, объединитель многих племен и народов в единое мощное княжество с названием Великая Русь. Уникальная личность, о которой в учебниках сказано всего несколько фраз, на страницах романа воплощена в живом образе, ведущем читателя по увлекательным тропам исторической и родовой памяти.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109511-6

© Задорнов М. Н., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Предисловие	6
От авторов	8
Часть первая	11
Пролог	12
Глава первая	14
Глава вторая	23
Глава третья	42
Глава четвёртая	48
Глава пятая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

**Михаил Задорнов, Валентин
Гнатюк, Юлия Гнатюк
Руны Вещего Олега**

© Задорнов М., Гнатюк В., Гнатюк Ю., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие

«Руны Вещего Олега» – вторая книга, написанная совместно с Валентином и Юлией Гнатюк, авторами ряда книг на древнеславянскую тематику, среди которых и замечательная трилогия о князе Святославе.

Предыдущий роман «Рюрик. Полёт Сокола» вызвал большое число положительных читательских отзывов, люди просят продолжения темы.

Рюрик образовал государство, объединив несколько славянских народов на севере и присоединив финно-угорские племена. А позже северное государство Русь превратил в Русь широкоформатную, – самое большое государство в Европе, его друг, наставник его сына, тот самый Вещий Олег, которого мы все знаем по стихам Пушкина, однако мы не знаем, за что он «отмстил неразумным хазарам», и почему Пушкин назвал их неразумными.

Давайте вспомним, кто такие хазары. Хазарский каганат в то время – мощнейшее государство, простиравшееся от нынешнего востока Украины до Алтая. И практически все южнославянские народы – тиверцы, древляне, поляне, вятичи, радимичи – платили дань хазарам. А пришел Олег со своей дружиной и сказал: «Платите не им, а мне, но меньше!» Как бы предложил их «крышевать». Это же всё в летописи есть. И к нему стали стекаться славянские народы, понимая, что он защищает их. Киев был столицей полян, поляне платили дань хазарам, а киевские князья за свой народ не заступались. Олег освободил Киев от этих князей, и не было никакого столкновения, ни в одной летописи нет упоминания ни об одном сражении. Олега приняли, ибо понимали – пришел тот, кто защитит.

Олег знал, что если сейчас не поставить на место хазар, то они придут и снова обложат данью, да ещё двойной. Он начал сражение с хазарами, прошел по Днепру, по его притокам, все объединил, хазар усмирил... Казалось бы, дело сделано! Но он же – Вещий! Понимал: Византия в покое не оставит. Печенегов натравит, хазарам деньги даст. И он пошёл усмирять Византию, самое крупное, самое богатое государство Европы. Он привел 2000 кораблей к византийским стенам... Мы говорим: Пётр I построил российский флот. А 2000 кораблей – это был не флот? Это во всех летописях обозначено. Греки испугались, вынесли дань... А Олег прибил щит на ворота Царьграда (Константинополя), и это был не только усмирительный жест, но ещё и жест защиты.

Созданное Олегом новое государство было таким мощным, что на него боялись посягнуть и немцы, и скандинавы, которые на тот момент не успели создать собственное государство, а объединялись в разбойничьи шайки...

Но главным противником была Византия. Двойные стандарты, лицемерие, ложь, полное неуважение к правде – точь-в-точь, сегодняшний Евросоюз!

Олег противостоял по сути всей тогдашней средневековой кровожадной захватнической Европе.

Вещий Олег – личность, о которой сказано всего несколько фраз в учебниках. В России Олегу не поставлено ни одного памятника (зато есть несколько в Украине). Олега даже не изобразили на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. Отчего такая нелюбовь к нему? Много вопросов возникает, когда изучаешь его жизнь по легендам, мифам, летописям и, конечно же, апокрифам, то есть по тем фрагментам летописей, которые вырезались за сотни лет цензурой. Когда образ вещего, светлого, мудрого человека, которого любили все славянские народы, прорисовывается, понимаешь, почему нашим правителям, независимо от времени властвования – в царской России, в советское время или сейчас, – этот мудрец не по душе.

Если бы не деяния Олега, той России, которой мы гордимся, не было бы!

И сегодня знание корней своей страны, своего государства, гораздо важнее политики. Потому что политика – всего лишь поиск выгоды, а знание своих корней, родовая память, дают настоящую силу.

Уверен, что многое в этой книге окажется для читателей интересным и новым.

Михаил Задорнов

От авторов

Предлагаемый читателям роман «Руны Вещего Олега» является продолжением повествования о становлении Руси, начатого нами в романе «Рюрик. Полёт Сокола».

Приступая к непростому историческому пласту, относящемуся ко времени Киевской Руси, когда её основателями считаются такие полуполюгендарные князья, как Аскольд, Олег и Игорь, о которых известно столь мало, что любая подробность считается если не выдумкой, то фантазией или компиляцией с других исторических личностей, мы должны были, изучив многочисленные летописи и свидетельства, остановиться на какой-либо одной версии, найдя ей наиболее логичные доказательства.

Прежде всего это касается личности Аскольда. Когда он пришёл в Киев? Сколько раз ходил на Царьград? Когда случилось первое крещение Руси? И кем вообще был этот первый христианский князь?

В романе «Рюрик. Полёт Сокола» мы уже дали свою версию происхождения Аскольда, бывшего певцом-скальдом у норвежских викингов. Талантливый гений изворотливого ума, хитрости и умения убеждать, пришедший на Новгородчину вместе с конунгом Олафом, он сумел избежать печального конца своих соратников, павших в битве с дружиной Рюрика и Олега, возглавил оставшихся беглецов и прибыл с ними в Киев, нанявшись на службу к князю Диру.

По греческим хроникам поход Руси на Царьград произошёл в 860 году. Это не мог быть поход Аскольда, поскольку «Повесть временных лет» называет Аскольда и Дира «боярами Рюрика»: «и баста у него два мужа, не племени его, Аскольдъ и Дирдъ, по боярина...». Рюрик же с братьями, как известно, пришёл в Северную Словению в 862 году. Уход Аскольда в Киев мог состояться не ранее 862 года, а ещё вероятнее, после Новгородского восстания Вадима Храброго, которое было жёстко подавлено Рюриком в 864 году. Именно тогда часть новгородцев, варягов и скандинавов бежала в Киев.

Поэтому знаменитый поход Аскольда на Царьград никак не мог состояться по греческой датировке – в 860 году. Гораздо убедительней для нас дата, приведённая в «Повести временных лет» – 866 год. Поход, закончившийся неудачей, когда буря разметала русские корабли вследствие чуда с ризами Богородицы, которые патриарх Фотий и царь Михаил опустили в воду.

Из исторических текстов, которые до нас дошли, важнейшей является Никоновская летопись – грандиозная компиляция середины XVI в. Её авторы использовали многочисленные древние документы, позднее, к сожалению, утраченные. Как доказано Б. А. Рыбаковым, среди утерянных документов была и «Летопись Аскольда» – хроника, начало которой относится к 865–866 гг. Среди фрагментов, которые восходят к киевскому летописанию IX в., есть эпизод под заголовком «О князи Рустемъ Оскольдѣ». После рассказа о походе 874 г. киевского правителя читаем: «Василіе же много воиньствова на Агаряны и Манихеи. Сътвори же и мирное устроение съ прежереченными Русы, и преложи сихъ на христіанство и обѣщавшеся креститися, и просиша архіерья, и посла къ нимъ царь».

То есть, рассказывается о втором – «бескровном» походе 874 г., после которого «русы обещали креститься», и патриарх Игнатий с царём Василием Македонянином послали к ним архиерея.

Завершил крещение Руси патриарх Фотий, во второй раз занявший византийский духовный престол (877–886 гг.).

В Густинской летописи отмечается: «крестишася славяне, си есть наша Русь, при патріарсѣ Фотіи, по смерти Игнатія патріарха, при Василіи Македонѣ царѣ, якоже историкъ церковный Зонарь и Куропалатесь глаголетъ. Егда Василіи царь сотвори миръ со Рускимъ

народомъ, хотяще ихъ привести ко истынны вѣрѣ, еже они обѣщашася: посла же имъ царь митрополиту Михаила и иныхъ епископъ».

Здесь мы воспользуемся ещё одним источником – «Велесовой книгой», которая, судя по текстам, была написана непосредственно во времена Аскольда и Дира, но ещё до смерти Рюрика (879 г.). (Подлинность данного древнего документа, ранее подвергавшегося критике со стороны некоторых учёных, ныне доказана комплексной научной экспертизой, проведённой международным коллективом лингвистов, историков, переводчиков, этнографов, биологов, под руководством выдающегося специалиста в области биохимии и ДНК-генеалогии профессора Гарвардского и Московского университетов А. А. Клёсова. Материалы данной экспертизы в виде объёмного трёхтомника вышли в свет в издательстве «Концептуал» в 2015 году).

Этот удивительный документ приводит сведения, которые просто не могли дать христианские летописцы. «Велесова книга» утверждает, что:

1) *«Аскольд пришёл к нам... через двести лет после Алдореха и захотел править нами. А Дирос эллинский сказал подчиниться ему, поскольку он прежде него сел на престол (киевский). И тогда Аскольд убил Дироса и сам занял место то».* (Дош. 29).

Время правления Алдореха – 670-е годы. Смерть Дира около 875 г.

2) *«И не имеем мы края своего на земле нашей. И крещена Русь сегодня».* (Дош. 38-Б).

Таким образом, Аскольдово (или Фотиево) крещение Руси произошло около 877–878 гг.

Есть предположение, что патриарх Фотий по случаю крещения передал в дар Аскольду то самое Евангелие «писаное русскими письменами» или, иначе, «Иоанновым письмом», которое монах Константин привёз из Херсонеса.

Как доказывает протоиерей С. Ляшевский в книге «Русь доисторическая», «перевод Евангелия на «роуський» язык мог сделать в то время единственный человек – св. Иоанн, епископ греческой «Готфской» епархии в Тавриде, который как тавроскиф, то есть рус, и мог только быть тем компетентным переводчиком и составителем необходимых богослужебных книг для только что образовавшегося тавроскифского, то есть русского, Бравлинского княжества в Тавриде». (Русь доисторическая: Историко-археологическое исследование / Стефан Ляшевский. – М.: Фаир-пресс, 2003, стр. 51). «Эта Иоаннова письменность появилась ещё в конце VIII века, в 790 году...» (Там же, стр. 57).

Именно «Ивановым письмом» был впоследствии заключён договор князя Олега с греками 2 сентября 911 г.

Историки и исследователи неоднократно высказывались об искусственности соединения Аскольда и Дира и о том, что они правили и были убиты не одновременно. Так, арабский писатель X века аль-Масуди говорит только об одном князе: «наипервейший из славянских королей есть Дира». Также различны их могилы и места захоронения.

Поэтому ко времени появления Олега Вещего в Киеве в 882 году в живых мог оставаться только Аскольд. Применив хитрость, – выдав воинов за купцов, – Олег убил Аскольда, обвинив его в том, что он «не княжьего рода».

Об этом же говорит и «Велесова книга». «Старые предания рассказывают, что приходил на Русь иной Аскольд, и что было три Аскольда-варяга. И те варяги приносят жертвы по-своему. И не наши они, а чужие князья; и даже не князья, а простые воины, что силой захватывают над нами власть». (Дош. 29).

С приходом дружины Олега Вещего в Киев начинается становление Киевской Руси.

Присоединив в 883 г. древлян, в 884 г. северян и в 885 г. радимичей, Олег укрепляет княжество, повсюду «нача города ставить», устанавливает размер дани для всех входящих в него племён.

Новгороду вменяется особо почётная обязанность, – он платит «варягам триста гривен на лето, мира для». Размер дани – триста гривен – наводит на мысль о числе «священной жертвы», которая совершалась в особых случаях, как выражение высшей благодарности богам.

Так, ПВЛ свидетельствует, что князь Владимир, спасшись от печенегов, в честь этого события построил церковь Преображения и «наварил триста перевар мёда... и раздал убогим триста гривен», что соответствовало древнеславянским традициям. Триста всадников находились при храме Свентовида на острове Руян-Рюген, и вся добыча, полученная ими и военных походах, принадлежала божеству, как священный дар.

Очевидно, Новгород платил триста гривен варяжской, а возможно именно руянской дружине, как знак признания и почитания единого духовного центра Варяжско-Словенско-Киевской Руси. Варяги в ответ обязались не нападать на Северную Словению, а в случае необходимости оказывать помощь. Чем и пользовались Новгородско-Киевские князья аж до Ярослава Мудрого, приглашая варягов в свои войска.

Если при сотворении Словенской Новгородчины у Рюрика и Олега основными противниками были скандинавы и в какой-то мере хазары, то с приходом в Киев, на первый план торгово-дипломатических, военных и идеологических взаимоотношений нового княжества выходит Византия. Не менее серьёзным противником остаётся и Хазария, поскольку переход её прежних данников – северян и радимичей – под юрисдикцию нового княжества не мог проходить мирно и безболезненно. Хотя, на наш взгляд, именно сочетание волховской мудрости и княжеского умения Олега Вещего позволяло ему одерживать многие победы без больших и кровопролитных сражений.

Как везде, первыми торили тропы его разведчики или, по-древнеславянски, изведыватели, которым в романе по праву отведена ведущая роль.

Многие герои логически связаны с предыдущей книгой «Рюрик. Полёт Сокола». Судьбы иных обретут продолжение в следующем романе о князе Игоре, тем самым подготовив почву событий, отражённых в уже вышедшей объёмной трилогии о князе Святославе. Таким образом, получает освещение весь огромный пласт становления Новгородско-Киевской Руси от Рюрика до Святослава периода 860–970-х гг.

Не должны быть преданы забвению в нашей истории гении князей, сумевших объединить многие племена и народы в единое мощное княжество с названием Великая Русь.

Один из этих легендарных князей, столпов русской государственности, письменности и Русской Правды – Олег Вещий.

Валентин и Юлия Гнатюк

Часть первая

Русские письма

Пролог Иоанн Тавроскифский

Лета 6290 (790), Амастрида

Человек зрелых лет, с длинными до плеч седыми волосами, с небольшой шапочкой-скуфией на голове, в тёмном подряснике, с крестом на груди, отойдя от кафедры, за которой он работал почти весь день, в глубокой задумчивости опустил в плетёное кресло. Сегодня важный день, может, даже самый важный в его жизни. Сегодня он закончил многотрудное дело по переводу с греческого на родной язык Евангелия и Псалтири! Человек в тёмном одеянии перекрестился, преодолевая усталость, снова встал и, подойдя к кафедре, на которой лежала раскрытая увесистая книга, сшитая из пергаментных листов, обмакнул гусиное перо в чернила и вывел в конце текста: «Переложено с греческого на язык тавро-скифов, что себя русами именуют, лета 790 от Рождества Христова».

Подождав, пока чернила высохнут, закрыл толстую книгу и с немалым усилием перенёс её к себе на колени, усевшись в любимое кресло.

Здесь он предался думам, – радостным и не очень.

Конечно, радость от свершённого важного труда грела сердце, и вместе с наступающим вечером и лёгкими дуновениями морского ветра с Понта, свободно влетавшего в небольшой греческий дворик, уносила мысли на своих лёгких крыльях вперёд, в будущее, когда его родная Таврика и сородичи станут христианами, как он сам. Стремления и чаяния всей жизни! Кто бы поверил, что он, сын крещёных тавро-скифов, как называют его народ греки, станет епископом?! Но Господь Всевышний сделал так, что сие свершилось! Конечно, кичливые пастыри из Константинополя никогда бы не допустили, чтобы во главе епархии стал тавро-скиф, но случилось так, что церковная власть в столице ромеев оказалась в руках у иконоборцев, и прежний епископ Готской епархии, поддержавший их, был переведён с повышением в митрополиты во фракийскую Гераклею. Прихожане его епархии, в основном крещёные готы, тавро-русы и греки, стали просить стать их пастырем. И Господь надоумил отправиться не в Константинополь, а в другой христианский центр, не подверженный иконоборчеству, – Иверию, и там получить епископскую хиротонию.

«То была первая победа. А вот это, – духовник с нежностью погладил только что законченную книгу, – это вторая. Тавро-русы не владеют греческим настолько хорошо, чтобы понимать тексты богослужебных христианских книг, а как же обращаться в веру на чужом языке? Я старался объяснить людям смысл таинств Христовой веры, на богослужениях переводил для них священные тексты, но сами-то они не могут прочитать Слово Божие! Отныне же они, а, самое главное – проповедники Христовой веры среди русов, получают в руки свои оружие, надёжное и сильное, такое, какого доселе не было! Теперь есть чем поколебать веру язычников, есть! Как утверждали славянские волхвы, с которыми иногда приходилось вступать в спор, знаки эти русам даровал ещё их прародитель, отец Орий. Пришлось только добавить греческих букв для того, чтобы передать некоторые греческие звуки, кои у русов не встречаются. Тем более, сравнивая знаки греческие и орийские, заметил, что основа их очень близкая, видимо, они произошли от одной ветви, но потом разошлись своими путями. Отношение у славяно-русов к сим, как они рекут, «чаровным знакам», особенно трепетное, как к некому священному предмету. Верят они писаному слову ещё больше, чем слову изречённому. На ствол этой-то веры теперь можно и поросль христианскую привить, чтоб ветвилась она вместо неправильной веры, языческой. Веры непокорной, буйной, воинственной, творящей вся-

ческие бесчинства, убийства и разграбления, какие творит сейчас князь Бравлин, пришедший, как рекут, с полуночи. Уже почти все грады таврические под его володением, осталась только Сурожь да несколько мелких градов. А ведь в Сурожском храме, среди прочих святынь, хранятся мощи моего наставника – отца Стефана Сурожского. Помоги, Господи, остановить сего язычника Бравлина и воинство его»!

Радость и боль переплелись сегодня в душе христианского пастыря. Радость и боль такие же, как три года тому назад, после победы над хазарами, захватившими было Готские угодья в Таврике, где находилась епархия. Но народ восстал, и одолели противника всем городом. А потом греческие чиновники подлю предали, схватив и выдав епископа, как одного из руководителей восстания, хазарам, и те бросили его в тюрьму, из которой, благодаря только Божьей помощи, удалось бежать и скрыться здесь, в Амастриде.

Священнослужитель обратил очи на север, где за синими понтийскими водами остался милый сердцу край, с которым он вот уже три года находится в вынужденной разлуке.

«Неисповедимы пути Господни, может, рука Всевышнего как раз и спасла меня из хазарского заточения, дабы я имел возможность завершить сей давно задуманный труд. Теперь вернуться в родную Таврику не один...» – человек в тёмном ещё нежнее погладил переплёт из толстой кожи с медными уголками и, незаметно для себя, уснул.

Утром монах-прислужник обнаружил, что бывший епископ Тавроскифский Иоанн, возглавлявший в Тавриде Готскую епархию, мёртв.

Вскоре попутное судно из Амастриды взяло курс на север. Тело епископа Иоанна возвращалось домой. Среди немногих вещей в окованном ларе находились Евангелие и Псалтирь, писанные русскими письменами.

Глава первая

Император Михаил и патриарх Фотий

Лета 866, Константинополь

Молодой человек лет двадцати, темноволосый, с подпухшим ликом, обрамлённым небольшой бородкой, лёжа на богатом ложе под балдахин из тяжёлого бархата, отороченного золотыми шнурами, с трудом повернул налитую свинцом голову. Да, так и есть, солнечный луч играет позолотой вокруг головы кого-то из родовитых предков на огромной картине, нарисованной на противоположной стене покоев, значит, скоро полдень. Ох, как тяжела голова, которая, как говорит его вечно весёлый Грилл, опухла от мудрости, содержащейся в том вине, которое было выпито вчера. Проклятая тошнота подступает к самому горлу... Молодой человек скосил глаза в сторону: ага, серебряный таз на привычном месте. Хорошо бы извергнуть всё поглощённое накануне в этот сверкающий сосуд, тогда наступит некоторое облегчение, однако решиться на это несложное действие не так просто. Как всё-таки мерзко Всевышний создал человека, – то он озабочен, как бы больше впихнуть в своё нутро, а потом тем, как бы это извергнуть обратно, и самое интересное, что и первое доставляет радость, и второе приносит облегчение. Но вот между ними... Фу, даже просто лежать и рассуждать трудно, снова жуткий приступ тошноты, нет, надо решиться, ну, давай же! – говорит сам себе лежащий на роскошном ложе. Наконец, перевалившись на левый бок, молодой человек склоняется над своим радетелем из хорошо начищенного серебра и, глубоко погрузив в рот два пальца, свершает желаемое.

Тут же в спальню неслышно входят два евнуха. У одного в руках мягкая, как пух сказочной птицы, ткань, у другого – небольшая золотая гидрия с чистой холодной водой, и блюдо, на котором лежат два сырых яйца совы.

Отплевавшись и позволив себя умыть и вытереть, император Византии Михаил Третий ещё долго в изнеможении лежит на высоких подушках. Сырые совиные яйца, издавна употребляемые греками после похмелья, действительно несколько успокоили гул в голове и понемногу возвращали возможность хоть с трудом, но двигаться.

Начинают всплывать картины вчерашнего. Вначале, как всегда, какие-то посланники, подписание каких-то хартий, длинные нудные официальные беседы и горячее желание – поскорей бы всё это закончилось! Как трудно и... страшно быть трезвым, и понимать, что всё окружение только и думает о том, как лучше использовать тебя в личных либо государственных целях, продвинуть своих людей или вовсе спихнуть тебя с проклятого императорского престола. Двуличные слуги и придворные, многоликие священнослужители, притворные родственники. Михаил ненавидит трон и государственные заботы. Только вино и бесшабашные сумасшедшие загулы с придворными лицедеями, охота и ристания на колесницах помогают на время избавиться от липких мыслей. Благо, скупидомная и набожная мать Феодора щедро наполнила императорскую казну. Потом её родной брат Варда удалил сестру и всех племянниц в монастырь в Гастрию. Императором стал он, Михаил, хотя всеми делами занимается Варда, которому он пожаловал титул кесаря. И хорошо, потому что молодому василевсу по душе всяческие удовольствия и развлечения, а не государственные заботы. Он щедро платит своим актёрам, особенно грубому и всеосмеивающему скомороху Гриллу, то есть Поросёнку, потому что только шутам выгоднее, дабы жизнь его длилась подольше, а остальные... Ладно, лучше вспомнить, как весело вчера они поиздевались над напыщенными, вечно озабоченными, чтобы сохранить вид духовных людей, церковниками. Бесподобный Грилл нарядился в патриарха, а прочие – в монахов и священников, и как славно потешились после доброй порции вина!

Мы, кажется, шли по улицам Константинополя, и Грилл причащал всех встречных горчицей и уксусом, я был в образе простого монаха, который раздавал просфоры с индийским перцем. Ага, нам же встретила процессия настоящего патриарха! Какой бранью и насмешками мы осыпали «конкурентов»! А как потом, вернувшись во дворец, наелись гороху и состязались, кто быстрее потушит свечу своими зловонными ветрами! Победил, как и в большинстве случаев, Грилл, и получил свои сто золотых монет, вот это потеха, мои лицедеи достойны тех денег, которые я им плачу! – Мой патриарх – это Грилл, у Варды – Фотий, а у народа патриарх Игнатий. Как хорошо, когда у каждого есть свой собственный патриарх! – вслух проговорил василевс.

Выпив немного вина и поев фруктов, Михаил почувствовал себя значительно лучше и повелел одевать себя.

– Божественный, – пропищал верный евнух, когда император, наконец, вышел из спальни, – Господь даровал нам радость, смиреннейшая императрица Феодора сегодня почтила нас своим присутствием!

– Где она? – буркнул Михаил.

– В молельной комнате, дожидается счастливого мига лицезреть своего венценосного сына!

«Почему ты относишься к своей матери без должного уважения, ведь она любит тебя»? – часто с укоризной вопрошал его дядя.

«Я её, может, тоже люблю, но когда вижу, как она преклоняется перед хитрыми и жадными церковниками, наивно считая их «божьиими людьми», во мне всё вскипает».

Варда безнадежно махал рукой, и разговор на эту тему прекращался.

Вот и сегодня она пришла во дворец, и вместо того, чтобы встретиться с ним, усердно отбивает поклоны в своей молельной комнате. Злость снова уязвила молодого императора. Он сердито выругался про себя, потом, чуть подумав, лукаво усмехнулся и поспешил удалиться куда-то.

Через полчаса император вошёл в комнату, где молилась мать.

В тёмном монашеском одеянии, она истово крестилась и кланялась перед многочисленными ликами святых. О чём, кто ведаёт? Может, о ста тысячах репрессированных павликиан, которых, по её указу, жгли, топили и вешали на столбах только за то, что они не признавали икон? Или била поклоны за сына, погрязшего в развратной и разгульной жизни? Это Михаила не интересовало.

– Ты молишься в одиночестве, а патриарх сейчас тоже один в нашей дворцовой церкви беседует со Всевышним, – смиренно произнёс Михаил, остановившись сзади матери так, чтобы не дышать на неё винным духом.

– Как, всемилостивейший патриарх Фотий здесь? – обрадовалась Феодора. Ведь помимо духовных, их связывали ещё и родственные отношения: её сестра Мария была замужем за родным дядей патриарха. – Я бы хотела приложиться к его руке и попросить благословения... Рада видеть тебя, мой дорогой! – молвила императрица, намереваясь подойти к сыну. – Как ты, здоров ли, всё в порядке? Я каждый день молюсь за тебя...

– Здоров. Иди, пока Фотий не удалился, – поторопил мать Михаил.

Женщина совершила земной поклон иконам и заспешила в дворцовый храм. Молодой император проследовал туда же.

Патриарх в своих тяжёлых парчовых ризах стоял спиной к двери, у которой нерешительно остановилась бывшая императрица, и тоже, видимо, молился. Подождав некоторое время, Феодора, подбадриваемая сыном, тихо приблизилась к первосвященнику и, стоя на шаг позади, прокашлявшись, смиренно попросила благословить её. Патриарх чуть помедлил, а потом... вдруг наклонился, поднял рясу, оголив зад, и зычно исторг из своего афедрона зловонный дух. Затем «патриарх» обернулся к несчастной, побелевшей от ужаса Феодоре и, заржав,

подобно ипподромному коню, проревел: «Благодарю!» Под неудержимый хохот Михаила и улюлюканье остальных лицедеев, что до этого мгновения прятались по углам и за аналоем, Грилл, изрыгая всяческие непристойности из своих греховных уст, с громким топотом поскакал вон.

Потрясённая женщина вначале потеряла дар речи. А затем, вскипев гневом, как котёл на жарких углях, Феодора быстро выскочила из храмовой залы, и вскоре, не помня как, уже стояла перед братом.

– Варда, этого уже нельзя терпеть, то что сотворил мой сын, это... это... – она запинаясь, не находя подходящих слов, лик её был пунцовым, а руки нервно тряслись, перебирая мокрый от слёз шёлковый платок.

Варда как мог успокоил сестру, и она смогла выговориться.

– Мало того, что он предаётся пьянству и распутству, окружив себя шутами, так теперь строит насмешки над родной матерью и святой церковью! Сделай что-нибудь, ну, возьми его в поход какой, что ли, я уже не знаю... – она нервно дёрнулась, шумно вздохнула раз-другой и, приложив к глазам свой платок, опять разрыдалась. Сухощавая стать и тёмное монашеское одеяние придавало облику Феодоры ещё большую безысходность.

– Хорошо, сестра, успокойся. На днях выступают две хилии в поддержку нашей доблестной армии против арабов. Оба хилиарха опытные и проверены в боях, с твоим сыном ничего не случится, а дворцовая блажь быстро растворяется в походной пыли.

– Спасибо, брат, да вознаградит тебя Господь великий и всемилостивый! – всхлипнула Феодора, тут же, как всякая мать, начиная тревожиться за любимое чадо, отправляемое на войну.

Однако Феодоре пришлось недолго печалиться. Не успели хилии удалиться на расстояние трёх дней пути, как их догнал посыльный с известием, что на Константинополь неожиданно напали северные скифы, обложили город со стороны моря и грабят предместья. И что кесарь Варда велел войску императора Михаила немедленно возвращаться.

– Что за дерзкие варвары посмели напасть на Константинополь? – удивлённо вопрошал усталого гонца Михаил.

– О, великий, – с благоговейным ужасом в голосе отвечал воин, – это не обычные люди, это скорее дьяволы, явившиеся из преисподней. Они так свирепы и отчаянны в неистовой рубке, что нужна целая кентархия, чтобы сдержать их декархию. Я был послан к нашим воинам, сражавшимся у стен города, и едва остался жив! – восклицал гонец. – Эти северные варвары вовсе не ведают страха. Когда я передавал повеление domestika хилиарху, руководившему обороной побережья, из-за холма выскочили эти неистовые скифы. Ни в битвах с арабами, где мне приходилось сражаться лохаргом, ни в схватках с другими варварами, я ничего подобного не видел. Они неистово рычали, как дикие звери, и разили всех клинками и стрелами с невероятной быстротой и яростью. Они столь огромны и жестоки, что от этого зрелища холодеют ноги и суставы теряют подвижность! Стрела варваров поразила в шею моего коня, и только волей Богородицы я не оказался придавленным его тушей. До сих пор не могу понять, как мне удалось выбраться из этого аида и вернуться в город! – взволнованно отвечал гонец.

– Почему же наши воины не сожгли корабли варваров? – возмущённо воскликнул император.

– Потому, венценосный, что их флот не стоит у причалов, ночь они проводят в море, бросив якоря и выставив чуткую стражу, – виновато отвечал посланец.

– Ладно, посмотрим, – обронил император, разворачивая коня.

* * *

Константинопольский патриарх Фотий пребывал в непростых размышлениях. Одетый в белый шёлковый подрясник, с кипарисовым энколпионом на груди, на котором золотом светилась монограмма имени Иисуса Христа, он стремительно ходил по комнате, иногда останавливаясь и что-то произнося вслух. Это был человек невысокого роста, подвижный, с тёмными курчавыми волосами, крупным носом и умными живыми очами. В каждом его движении, в каждом горящем взгляде как бы выплёскивалась наполнявшая его до краёв энергия, свойственная народу армян, из которых происходил род Фотия. В общении с собеседниками или выступлении на кафедре говорил он так же быстро, горячо и очень убедительно, подтверждая правильность собственных слов многими ссылками на философов разных времён, тексты священных писаний и юридические законы, которые, как и многое другое, держал в надлежащем порядке в своей прекрасной и тренированной памяти преподавателя-богослова. Любые возражения он резко пресекал точным и быстрым ответом, как добрый легионер мечом, а затем «добивал» оппонента, засыпая его многочисленными фактами.

Фотий был светским человеком, любил мир науки и философии, энергично вдалбливал знания своим ученикам. Кроме того, под большим секретом и с благоговейным страхом, некоторые злые языки шептали, что у бывшего протоасикрита хранятся не только книги языческих поэтов и философов, но и древние магические заговоры и заклинания.

Однако с тех пор, как брат императрицы Феодоры Варда сделал его патриархом, тихой жизни преподавателя кафедры пришёл конец. И всё из-за бывшего патриарха Игнатия. Мало того, что этот неугомонный монах обвиняет его, Фотия, чуть ли ни в ереси и настраивает против других священнослужителей, так ещё и написал жалобу Папе Римскому Николаю! Теперь Папа требует признать избрание Фотия недействительным. Боже, Боже, как эта высокая церковная должность разнится с преподавательской стезёй! Даже будучи высокопоставленным чиновником, он не испытывал такого давления и сопротивления, столько интриг и подлостей.

А тут ещё эти скифы! Если бы не шторм, разметававший их суда, ставшие на якоря, по незнанию, в самом начале бухты, то быть большой беде, ведь они сколь дики, столь же отчаянны и жестоки в схватке, эти непонятные, далёкие и необъяснимые россы.

Патриарх взял стоявший на небольшом столике из чёрного дерева колокольчик и несколько раз встряхнул его, нарушив тишину серебряным перезвоном.

– Что там с этими варварами, Кондратий? – осведомился Фотий у вошедшего на зов асикрита.

– Согласно твоей договорённости с императором и кесарем, их сейчас просто стерегут и пыткам пока не подвергали.

– Хорошо, а что известно об их главаре, кто он и откуда?

– Он архистратигос князя россос Дироса.

– Того самого эллина, который умудрился стать архонтом у этих варваров? – задумчиво спросил больше сам у себя Фотий. И продолжил. – Что же удалось трапезитам выяснить об этом архистратигосе?

– Россы утверждают, что он послан в Киев Новгородским архонтом Ререхом не то для защиты Киева от хазар, не то для подготовки прихода туда самого Ререха. Сам он и большинство его людей – веринги с Варяжского моря, а это ещё те головорезы!

– Я приказал этого стратигоса варваров хорошенько отмыть в термах, с массажем, втиранием благовоний и прочее, – молвил после некоторого раздумья патриарх. – Потом пристойно одеть, дать отведать доброго вина и вкусной еды, обязательно на дорогой посуде.

– Всё так и сделано, Святейший, – склонился в поклоне асикрит.

– Прикажи сопроводить его ко мне, сюда, – повелел Фотий.

– Провести, конечно, через залы святой Софии? – осведомился, снова склоняя голову, молодой сообразительный асикрит.

– Непременно, варвар должен быть поражён великолепием Дома Божьего!

Отдав приказание, патриарх снова заходил по комнате. Неужели всего полтора года он в патриаршем кресле? Пожалуй, постарел за это время не менее чем на десять. Эти дразги и склоки, этот твердолобый скандальный монах Игнатий своей непримиримостью расколол Ромейскую империю надвое. Как духовенство, так и простые миряне разделились на сторонников и противников нового патриарха. Одни на его стороне, другие на стороне Игнатия. А молодой император, не отличающийся благочестием, которого большинство за глаза называют Пьяницей, по этому поводу со смехом изрёк, что у каждого теперь свой патриарх. «Мой патриарх – это Феофил, у кесаря – Фотий, а у народа патриарх Игнатий». Скоморох Феофил, более известный по прозвищу Грилл, в самом деле, не раз обряжался в одежды, подобные патриаршим, и творил вкупе с прочими паяцами из потешного окружения императора всяческие непристойности, получая за это от своего покровителя хорошую плату. Так или иначе, но сейчас именно ему, Фотию, решать, как поступить с пленёнными росссами. Кесарь Варда согласился с его предложением попробовать заключить с этими северными варварами, пользуясь их нынешним незавидным положением, выгодный для империи договор. Кесарь по натуре стратег, и потому один из немногих в столице понимает, что мудрая политика может принести больше пользы, нежели самая кровавая и победная резня.

«Бог послал нам редкую удачу тем, что внезапно налетевшая буря разметала корабли скифов, – проговорил негромко сам себе патриарх. – И мы будем плохими христианами, если не используем этот бесценный дар... Хроники синкела Феодора рассказывают, как более двухсот лет тому скифы-россы уже нападали на Константинополь вместе с аварами и персами. Казалось, огромная и дикая силища варваров сметёт град. Но всемилостивейшая Богородица устроила так, что греки сумели уничтожить моносилы россов, которые аварский каган отправил для перевозки персов с другого берега. Не получив помощи, авары ушли. Град Константина вздохнул свободно, а Святая Церковь в честь избавления от варваров составила акафист «Взбранной Воеводе победительная». Теперь сей акафист звучит под сводами храмов с новой силой, ибо Пресвятая Богородица опять защитила нас от диких скифов. И сейчас я буду говорить с их поверженным предводителем»...

Высокорослые смуглые воины ввели и поставили перед патриархом человека, вид которого в первый миг даже несколько смутил главу Константинопольской церкви. Некоторое время Фотий с интересом рассматривал загадочного варвара. Небольшого роста, светлые волосы, крепкий, но далеко не атлетического сложения, – ни статью, ни манерами он никак не походил на предводителя. Только вот глаза, серо-водянистые, холодные и, кажется ничего не выражающие. Странно, чем он мог заставить повиноваться себе этих могучих яростных воинов? Волки не ходят за бараном, только за матёрым волком...

Он указал пленнику на широкую мраморную скамью с вырезанными в виде львов ножками из более тёмного мрамора. В ответ варвар ещё раз склонился в знак благодарности и сел на указанное место. Его Святейшество исподволь продолжал изучать необычного гостя. Скамья стояла так, что на лик варвара падало достаточно света из окон небольшого купола, которым было увенчано помещение, сам же Фотий оставался в тени. Патриарх заговорил, а стоявший рядом худощавый бледнолицый монах тут же стал повторять его речь на словенском.

– Я патриарх Константинопольский именем Фотий, а кто ты и зачем пришёл сюда с воинами?

– Я воевода киевского князя Дира, именем Аскольд, шёл со своими воинами на лодьях, когда налетела великая буря и разметала нас. – Неожиданно уверенный и хорошо поставленный голос пленника несколько удивил патриарха. Обычные воины, и даже большинство военна-

чальников не блещут красноречием, а тем более во вражеском плену, пережив жестокую бурю, от которой едва не погиб. Что ж, будем прощупывать этого варвара дальше.

– А куда же ты направлялся, воевода, вместе с великим флотом из двухсот лодий? – поднял бровь Фотий.

– Ну, не столь уж велика сила под моим началом, двухсот лодий точно не было, это наговоры, – всё так же, не смущаясь, и не выказывая никакого страха, ответил Аскольд. – А куда путь держал с воинами, то тайна княжеская, не моя. Одно скажу, не на твою державу мы шли.

«Каков хитрец сей стратигос россов, видно, что с ходу придумал объяснение, и держится уверенно» – отметил про себя патриарх.

– Могу поклясться Перуном в том, что имел я намерение пройти через Великую протоку в Море Срединное, но нежданная буря сим намереньям положила конец, – хорошо поставленным голосом, полным убеждённой искренности, продолжал Аскольд.

– А чьи же воины пограбили и пожгли предместья, склады и лавки на берегу? – быстро спросил патриарх.

– Мои воины хотели после дальнего морского пути купить кое-что в прибрежных лавках, а торговцы воспротивились и отказались продавать товар, тогда мои воины взяли нужное силой, и только. Может, при этом под горячую руку и сожгли чего-нибудь, но зачем же злить усталых и раздражённых воинов?

– Но твои спутники, они же подтвердили, что шли на Константинополис, чтобы пограбить его дворцы и монастыри, обрести многие товары из тех, что находятся в бесчисленных кладовых наших торговцев?! – несколько сбивый с толку невероятной наглостью чужеземного стратигоса, промолвил с некоторым возмущением Фотий.

– Несчастные люди, только что чудом избежавшие гибели в пучине морской, готовы сделать любое признание, лишь бы остаться в живых, разве не так? – Даже достаточно умудрённый знанием придворных интриг Фотий не сразу нашёлся, что ответить дерзкому северному варвару, продолжавшему совершенно простодушно глядеть на патриарха своими серо-водянистыми очами. – А ещё желал я больше узнать о Боге вашем, который, как рассказали, способен творить великие чудеса. – Фотию показалось, что последнее заявление было неожиданным даже для самого варвара, который продолжал говорить всё тем же вдохновлённым, хорошо поставленным голосом, умело играя им, что настоящий музыкант лютней. Патриарху даже пришлось тряхнуть головой, отгоняя наваждение голосовых переливов, заставляющих невольно верить тому, что рёк сей необычный пленник. Его Святейшество всё с большей ясностью начал понимать, что перед ним редкостный хитрец и лжец.

«Вот в чём сила предводителя диких скифов, – с облегчением молвил себе Фотий. – Он владеет силой убеждения, к тому же чрезвычайно хитёр и жаден». Необычные способности варвара восхитили патриарха. А когда ты понимаешь, в чём заключается сила врага, её можно тут же обратить в слабость.

– Хорошо, коль ты пришёл учиться Христовой вере, то получишь всё, зачем пришёл! – молвил патриарх, незаметно переходя на высокопарные ноты, заданные речистым пленником. – С тобой будут вести беседы мои лучшие богословы и епископы, они вооружат тебя истинными знаниями. Будучи просвещённым Христовой верой, ты станешь непобедимым, ибо вера сия укрепляет дух, а Господь указывает верный путь. С Богом! – Патриарх махнул рукой, и рослые смуглые воины тут же встали с обоих боков подле Аскольда.

Фотий видел, что варвар ещё хитрил и хорохорился, но где-то внутри уже поселилось зерно, умело оброненное в его изворотливую и сребролюбивую душу. Роскошь святой Софии, богатство царского дворца и патриарших палат, услужливые рабы и рабыни, термы, еда, вино, одяние, – всё подготовило благодатную почву для всходов.

Фотий и прежде был уверен в превосходстве собственного разума над окружающими людьми, но с недавнего времени стал чувствовать себя как бы центром некой большой разум-

ной и направляющей силы. Сегодня же пришло внутреннее убеждение, что с Божьей помощью именно ему удастся покорить этих диких и необузданных варваров-россов.

* * *

После ухода скифов на побережье и в порту Константинополя принялись отстраивать разрушенные варварами дома, ограды, склады и лавки, а в Магнаврском дворце по настоятельной просьбе патриарха Фотия собрались на совет император Михаил, сам патриарх и кесарь Варда.

Может, оттого, что много времени проводил в раздумьях и чтении древних философов, или потому что был знаком с некоторыми языческими тайными знаниями, но Фотий являл собой редкого человека, который вместе с практичной повседневностью постоянно ощущал многие неведомые нити связей с окружающим миром. Вот и сейчас, для него эти загадочные варвары-россы были не просто ордой сильных воинов, вдруг возникших у ворот града Константина, как видели их легионеры и монахи, но живой частью целого мира, там, на севере, мира чужого и грозного. Оттого он понимал, что главную опасность представляют не эти пришлые россы, но само место их обитания, из которого они явились, иной склад мыслей и всей жизни, которая породила их и породит ещё многих на погибель христианскому миру. Патриарх не только понимал это своим просветлённым разумом, но и чувствовал какими-то внутренними фибрами души, а вот какими именно, он не мог объяснить никому, да и не собирался. Не нужно объяснять людям то, чего они не в состоянии понять, им нужно давать только чёткие и ясные указания.

– Народ, живущий где-то далеко от нас, варварский, кочующий, гордящийся оружием, народ, доселе не именитый и не считаемый ни за что, стоящий наравне с рабами, так грозно и неожиданно нахлынул на наши пределы, как морская волна на сушу, – хорошо поставленным тоном преподавателя начал патриарх, и Михаилу показалось, будто он снова сидит на лекции у протоспафария Фотия. – Мы начали важное для Империи дело по обузданию диких северных варваров, однако никоим образом не должны ослаблять наших усилий, иначе они вернуться, – продолжил Фотий, и на некоторое время умолк, давая каждому время обдумать сказанное.

– Почему мы всё-таки отпустили этих ужасных скифов, да ещё и снабдили их провизией, вместо того, чтобы жестоко покарать за набег, за сожжённые предместья и вообще за дерзость самого нападения на Империю? – возмутился молодой император. – Их нужно было казнить страшной мученической смертью, чтобы отбить охоту ходить на нас войной!

– Потому, Михаил, – негромко, но веско отвечал Варда, – что дикому зверю лучше предложить кусок мяса и попытаться приручить. Иначе, верно говорит отец Фотий, восстановив силы, он придёт снова.

– Зачем ждать? Отправить армию для разгрома этих северных скифов, как мы поступаем с арабами, и всё! – решительно махнул рукой Михаил.

– Стоит ли рисковать нашей армией? – поморщился Варда. – Один поход на Киев и другие города россов потребует огромных затрат, ведь их страна находится далеко от Империи, и она весьма обширна... И потом, мы ведь уже начали договариваться, и полсотни варваров, которые согласились за добрую плату служить императору Ромеи, хороший залог на будущее! Как, Михаил, нравится тебе новая охрана? Высоки, стройны, а воинской злости у каждого на десятерых. Вот как их надо использовать!

– Да уж, – пробормотал Михаил, вдруг смирив прежний пыл, – хороши! – В очах его вдруг блеснула паволока, какая всегда появлялась при взгляде на женщин. Причиной тому была дочь одного из новых варяжских телохранителей Евдокия Ингерина, на которую он успел положить глаз. – Хороши, дьявольски хороши! – с удовольствием повторил император, мысленно рисуя образ нового любовного приключения. – Я повелел в моём загородном дворце у

святого Маманта выделить помещения для казарм, где будут обитать эти воины-скифы, которые поступили на службу в мою императорскую гвардию. Но против остальных варваров я бы отправил армию!

Патриарх сурово поглядел на собеседников, как на учеников, которые не могли ответить на его очередной каверзный вопрос, и со значением в голосе продолжил:

– Мы не станем отправлять к россам свою армию, ни императорскую, ни армию фем! – Фотий выдержал паузу настоящего оратора. – Есть другой способ, не требующий больших затрат и огромной армии! Чтобы осы не кусали, нет смысла махать руками или убить десяток из них, нужно обезвредить само осиное гнездо, и тогда исчезнет опасность быть ужаленным.

– Каким же образом, Святейший, ты собираешься усмирить варваров?

– С Божьей помощью, Михаил, – с нажимом произнёс патриарх, опять выдержал паузу и уже совсем негромко, но выразительно и со значением, продолжил. – Мы отправим к северным варварам то, против чего они не умеют сражаться, ибо даже не могут представить это полем боя. Это будут наши проповедники, лучшие проповедники. Как зубья черепахового гребня в волосы, они войдут в головы неискушённых варваров, неся Слово Божие. Только поменяв их мысли, мы можем сделать их послушными Империи, как свирепых псов покорными своему хозяину, – заключил Фотий. – Для начала предлагаю послать одного из лучших моих учеников в Херсонес, где, как мне известно, находятся Священные книги, написанные их варварскими письменами. Только через родное слово мы сможем овладеть их сознанием, ибо ни греческую речь, ни латынь они не разумеют.

– Твой ученик, Святейший, умеет читать варварские письмена? – удивлённо спросил Варда.

– Он владеет многими языками, в том числе и языком сих варваров россос, ведь он сам родом из Фессалоник, – произнёс Фотий, в задумчивости потирая двумя перстами переносицу своего орлиного носа.

– Этот ученик, случайно, не Константин из Фессалоник? – с некой радостью в голосе спросил Михаил. Ему живо вспомнился прилежный и тихий сотоварищ по учёбе, которого они наделили прозвищем «Святой».

– Он самый, – подтвердил патриарх. – Через него я общался с этим варваром Аскольдом. К тому же из Хазарии приходят плохие вести: христиан притесняют, многие из наших братьев томятся в рабских оковах, как последние язычники! Думаю, Константин после Херсонеса должен отправиться в Итиль и вступить в теологический спор с иудейскими богословами. Это поможет ослабить давление на христианских купцов и гарантировать им нашу защиту. Как вы на это смотрите?

– Хорошо, а сможет ли он достойно представить веру Христову в споре с изощрёнными иудейскими богословами? – с некоторым сомнением молвил кесарь.

– Это лучший из моих учеников, – веско ответил Фотий. – Если он не сможет убедить в своей правоте иудеев, то никому в Империи этого сделать лучше не удастся!

– Такой поездке должны предшествовать меры безопасности, – изрёк Варда. – Я распоряжусь сегодня же, чтобы купцы прихватили с собой письма нужным людям в Итиле, которые вхожи к Беку и умеют с ним договариваться. Теология теологией, но я воин, и более рассчитываю на привычные мне способы – оружие, деньги и наших трапезитов.

– Прекрасно, это я и хотел услышать, – удовлетворённо кивнул патриарх. Он взял серебряный колокольчик и несколько раз привычным движением встряхнул его. Молодой хорошо сложенный монах почтительно склонил голову перед владыкой, и тот тихо о чём-то распорядился.

Асикрит Фотия вышел, и вскоре в помещении явился человек лет тридцати с красивыми тонкими чертами несколько бледного лица, с длинными русыми волосами и бородой. Его серые

очи иногда вспыхивали внутренним огнём не то страстной веры, не то убеждённости. Он был в скромной одежде монаха, но с крестом священника на груди.

– Нет, ну теперь я бы точно предоставил Святому возможность сыграть роль Христа в наших сумасшедших мистериях! – радостно воскликнул Михаил, оглядывая худошавую статью бывшего сотоварища по учёбе. – Не надоело сидеть в монастыре? Присоединяйся к нашему славному действию!

– Приветствую тебя, император, да продлит Христос Всемиловитый благие дни твоего царствия! – низко кланяясь, приятным голосом молвил Константин. А про себя подумал, что именно из-за сих богохульных мистерий он вынужден был удалиться в монастырь. Михаил не оставлял его в покое ни в Магнаврском училище, ни в Софийской библиотеке, где Константин намеревался работать. Отказывать императору было нельзя, а соглашаться он не мог по причине искренней веры.

– погоди, Михаил, – остановил племянника Варда. – Мы сейчас обсуждаем серьёзные дела.

– Константин, – несколько торжественным тоном обратился патриарх к бывшему ученику, – Империя намерена поручить тебе важную миссию.

– Я готов исполнить любое поручение на благо Великой Ромеи и веры Христовой, – негромко, но твёрдо ответил священник, слегка кашлянув.

– Я знаю, что ты владеешь языком варваров-россов, а умеешь ли ты читать их письма?

– Смотри какие у них знаки, ведь у многих варварских народов свои письма. Но если нужно, я быстро ими овладею, как, например, письмами арабов. Мне только нужны одинаковые тексты, написанные на греческом и русском.

– Насколько мне известно, князю Бравлину, первым из россов принявшему крещение в Херсонесе, именно на его языке читали Священные Писания. Якобы они были переведены епископом Готским Иоанном. Их нужно найти. Он должен быть либо в библиотеке Херсонеса, либо в одном из монастырей.

– Если епископ готский, то и перевёл он, наверное, на готский язык? – уточнил Варда.

– Готской называлась епархия, а сам Иоанн был выходцем из местных тавро-скифов, – заметил патриарх. Он перевёл пристальный взгляд на Константина. – Вторым важнейшим поручением Империи для тебя будет поездка в Хазарию, – и он изложил необходимость столь дальнего путешествия.

– Хорошо, Святейший, но прежде я должен совершенствовать свой хазарский язык, – отвечал Константин тихим мягким голосом.

– Ты пробудешь, сколько надо, в Херсонесе. Там много хазар. Им принадлежит часть климатов на Гераклеяском полуострове, они захватили даже некоторые наши приходы, кстати, с этим тоже постарайся разобраться. После овладения письмом варваров Всевышний предоставляет тебе возможность отточить силу слова Божьего на окрестных народах, – и, прежде всего, на скифах и хазарах. Ты должен вести себя очень осторожно среди этих диких народов. Не перечь им, не провоцируй, войди к ним в доверие, изучи их богов и обычаи, их силу и слабость. И тогда, обладая логикой, ударь святым словом в уязвимые места, переверни представление о мире в их головах, посели растерянность в их душах и стань для них пастырем, который один знает, как вести стадо Христово по узкому пути над страшной бездной невежества!

– А воины вольного города будут тебе в помощь, – добавил Варда. – Я дам указание стратегу Херсонеса.

– Пусть господь наш единый Иисус Христос пребудет с тобой, Константин, благословляю тебя и помни: от того, как ты справишься с поручением, зависит очень многое, сын мой! – молвил патриарх, привычно осеняя священника крестным знамением.

Глава вторая Гроза

Лета 868, Таврика

Отрок годов пятнадцати с чуть рыжеватыми, выгоревшими на солнце волосами, опершись на лёгкую палицу, следил за стадом овец, которые неспешно спускались с каменистого склона, старательно, почти до самых корней, поглощая наполовину высохшую траву. Дождей не было с самой весны, трава не росла, и на месте пастбищ оставалась голая серая земля. Бурый с белыми пятнами пёс, привычно obeжав отару, поглядел на хозяина умными очами, вильнул хвостом, сообщая, что всё в порядке, и тут же растянулся под жидкой тенью куста, тяжело и часто дыша.

– Что, Рудой, жарко тебе в шубе, небось, опять клещей насобирал? Дай-ка погляжу, брат. – С этими словами юный пастух присел на камень и принялся осматривать своего лохматого помощника. – Вот, двоих кровососов вытащил. А с жарой ничем помочь не могу. Скоро старейшины пойдут к Священному Дубу, станут творить обряд, чтоб дождь вызвать. На него только надежда, – продолжал беседовать пастух с четвероногим другом. – Дуб-то у нас особенный, другого такого на всей земле не сыскать! Вот ты ведаешь, отчего меня Грозой зовут, а? Не ведаешь, и не оттого вовсе, что я грозным нравом отличаюсь, как раз сам по себе я тихий, а прозвали так после случая одного. Мать мне после не раз сказывала, – повествовал верному псу пастух, иногда бросая взгляд на лениво передвигавшихся овец. – Не было мне тогда ещё и двух лет от роду, как занемог я крепко, ни снадобья, ни заговоры не помогали. Не ел уже почти ничего и кровавым проносом исходил. Мать моя, видя, что гибнет её дитя, взяла меня на руки и пошла в горы к волхву Хорсовиту. Поглядел волхв на меня, на мать поглядел и молвил ей такое слово: «Я один хвори сей не одолею, идти надобно к Дубу Священному, он древо Перуново, покровитель воинов, а всякий муж есть воин. Торопиться надобно, иначе через день-два не станет сына твоего». Через каменья по узким горным тропкам отправились они вниз, и уже затемно дошли к месту священному. И стал волхв среди ночи молитву творить, и просить Древо силой своей Перуновой дитя от немочи избавить. Долго обращался он к Дубу. И тут раз-другой налетел свежий ветер. Облака за клубились, закрыли луну, и сверкнули первые молнии. Потом небо раскололось грозой, и хлестнул ливень.

Несколько раз молнии, посылаемые с небес Громовержцем-батюшкой, едва нас не поразили, совсем недалеко вонзаясь в огромные валуны. Спотыкалась матушка о те камни, скользила по суглинку размокшему, Хорсовит меня у неё взял, и так с трудом добрались домой.

А наутро узнали, что ночью перунова стрела поразила одного из наших коней, да так сильно, что он частью обуглился.

Зарыдала матушка, запричитала, что Перун послал худой знак.

А Хорсовит поглядел на коня и молвил:

– Всегда даются людям знаки божеские, только читать их надо правильно. Перун сей жертвой священной сам указал на путь оздоровления дитяти. Вели-ка мужу сего коня разделать, часть жертвы Перун уже взял. Себе тоже возьми часть, и мясом жертвенным корми потихоньку мальца. Кости потом принесёте, и я закопаю их под Дубом Священным.

Подивилась матушка, но не стала перечить волхву. Начал я пищу ту священную принимать по крохам малым сначала, и через седмицу смог на ноги встать, а потом и вовсе про хворь забыл. Только сызмальства и поныне, когда начинается гроза или буря, метель в горах или на море волнение, не могу я, как все прочие люди, дома под крышей прятаться. Тянет меня

сила неведомая вон из жилища под удары ветра и сверкание молний, и так мне от того хорошо становится, и столь силы прибывает, будто прямо с небес она на меня изливается вместе со струями ливня или хлёсткими снежными вихрями, что удерживать меня бесполезно. Оттого и назвали меня Грозой, так-то, брат Рудой. Частенько посылала меня мать с чем-то из её вкусной стряпни к волхву с благодарностью, а он на мои любопытные расспросы про устройство неба, звёзд, да солнечного пути по небесному своду много чего рассказывал. Как какие созвездия называются, как по ним путь в ночи найти в море ли, в горах или степи ровной, как время узнать опять же по солнцу и звёздам, мудро, брат Рудой, и страсть как любопытно! Я и до того любил на небо глядеть, а после тех рассказов волхва и вовсе потянуло меня к небесам, как к чуду божескому истинному! Бывает, проснусь в ночи, гляжу на звёзды и планеты, на огни небесные, что к земле летят и исчезают над ней, вспыхнув искрами, и аж слёзы на глаза наворачиваются...

Задремавший было под мерный голос пастуха пёс вдруг наострил чуткие уши, поднял голову, а потом, вздыбив шерсть на холке, с лаем бросился в сторону кустов, отделявших склон от тропы. Послышались чьи-то голоса. Гроза поспешил за собакой и осторожно выглянул из-за кустов. На тропе два крепких бородатых мужа в длинных серых одеяниях отмахивались палками, защищая от собачьих клыков не столько себя, сколько худощавого русоволосого мужа, одетого тоже в длинное, но светлое одеяние.

– Рудой, нельзя, чего подорожных трогаешь? А ну, мигом к овцам, я тут сам разберусь! – повелительно прикрикнул юноша, выходя из кустов. – Кому я велел, а? – он ещё раз оглянулся на отошедшего, но медлившего с выполнением наказа пса.

Убедившись, что лохматый помощник удалился, Гроза обернулся к прохожим. По одежде это были монахи, коих он встречал не раз, но по тому, как споро и согласно они защищались от пса, более походили на воинов. Третий же, в светлом, похоже, был их господином. На вид годов тридцати, ростом чуть выше среднего, худощавый, с узкими плечами, но чрезвычайно приятной внешности: русые волосы, борода, глубокие серые очи, тонкие черты лица. Капли испарины выступили на его красивом бледном челе от подъёма в гору, дыхание было учащённым.

– Не бойсь, Рудой вас не тронет, он не злой вовсе, просто отару охраняет, – молвил юный пастух прохожим. Проследив зорким оком путь незнакомцев по тропе, увидел в конце её, где она выходила на проезжую дорогу, стоящий воз, запряжённый парой сытых ухоженных коней.

– Благодарю, – молвил путник по-словенски, но с незнакомым пастуху выговором. – Мы из Херсонеса едем, нет ли у тебя воды? Та, что брали с собой, уже закончилась из-за этой нестерпимой жары. Думали пополнить запасы по дороге, но что-то нам не попалось ни одного доброго источника.

Юный пастух, достав из сумы, протянул высушенную тыкву с ещё холодной водой и подвинул, какие у сего мужа тонкие, белые, непривычные к работе руки.

– Где ты набрал воду? – спросил путник.

– Там, наверху, – пастух махнул рукой на гору, с которой неторопливо спускалось стадо.

– Как же вода может быть наверху, если её нет даже внизу? – указал подорожный на пересохшее русло ручья.

– Похоже, ты не знаешь наших мест. У нас на вершине горы может быть поляна, ровная, как божья длань, где растут совсем другие деревья и травы, чем внизу. И там текут родники. Вода у нас часто выходит из скал и в них же скрывается. А ты кто есть и куда идёшь? – Гроза был рад поговорить с кем-нибудь.

– Я путешествую, изучаю разные веры, читаю всякие письмена, я философ, – заметив, что слово это незнакомо юноше, пояснил: – Философ – это тот, кто Бога познать стремится, жизнь человеческую изучает, в науках разных преуспел и о том другим рассказать может. Зовут меня

Константин. Мне сказали, что здесь есть древний скальный монастырь, я хотел подняться к нему. А ты, я вижу, из местных тавро-скифов?

– Так вы, греки, нас зовёте, а мы себя русами именуем, – молвил Гроза, отметив про себя, что говорит с ним лишь бледнолицый, а его сотоварищи хранят полное молчание. – А древний монастырь здесь не один, все стены пещерами изрыты. Скоро будет садиться солнце, мне пора гнать отару в селение. Если хочешь, пошли со мной, там тебя и спутников покормят, подскажут, куда тебе надо, да и поговоришь со старейшинами о богах, коли ты философ. Я в этом мало смыслю, больше в небо глядеть люблю, ветер да травы слушать. А коли тебе веры разные любопытны, то завтра наши старейшины будут говорить с богами и кликать дождь у Священного Дуба, вот тогда всё сам и увидишь!

Бледнолицый на минуту задумался. Потом что-то сказал спутникам на греческом.

Один из них протестующе замотал головой, но бледнолицый, похоже, его убедил.

– Пойдём, отрок, в твоё селение. Всё равно в монастырь мы нынче не успеем и лучше где-то переночевать, тем более хотим поглядеть на ваш дуб, о котором много наслышаны.

– Рудой, – громко кликнул пастух своего лохматого помощника, – а ну, заворачивай барашков домой! – пёс ответил радостным лаем.

Они спустились вниз, и греки, забрав свой воз с лошадьми, последовали за юношей.

– С Богом нужно говорить в храме, через священные книги и молитвы, а не возле какого-то дуба или сосны, – назидательно молвил по пути философ, время от времени сухо покашливая.

– Так Дуб-то живой, да к тому же священный, он не какой-нибудь, а особенный, я, скажем, ему жизнью обязан. Вот ты в книгах ведаешь много, а они разве живые?

– Эти книги писали мудрейшие учёные и монахи по наущению самого Бога Всевышнего! – поднял многозначительно палец вверх путник. – Каждому человеку надо их читать, или хотя бы слушать толкования от знающих эти Писания людей, поскольку они свидетельствуют о Боге и Истине.

– Так на что мне читать о боге, коли он вокруг меня, я его всегда вижу и слышу? – изумился пастух. – Тебе волхва нашего Хорсовита повидать надобно, вот кто тебе складно о богах расскажет, брат Константин. Он мне много порассказал о небе, богах, да и книги у него разные были, на досках да кожах писанные.

– А где он ныне?

– Так в селении, с гор спустился, завтра же моление о дожде, – ответил пастух, поглядывая, как Рудой заворачивает отбившихся овец. – погоди! – взмахнув палкой, пастух побежал в другую сторону, потому что несколько животных задержались среди больших камней и начали потихоньку отделяться от отары.

– Куда собрались, не наелись за день, ишь, ненасытные! – сердито крикнул на них Гроза. Он тогда не мог и представить, кого ведёт в родное селение и как появление сего учёного грека изменит в одночасье и его, Грозы, привычную жизнь и жизнь всех соплеменников.

Путников, как водится у славян, приютили и накормили. Потом стали расспрашивать, кто и откуда.

– Сам-то я родом из Солуни, – молвил философ.

– Из мест древней Иллирии, выходит? – переспросил Хорсовит. – Тот-то я гляжу, ты с нами схож, и по-славянски речёшь. Иллирийцы были гордым народом, прозванным так по имени их прародителя Иллара, что значит «свободный».

– Императоры Диоклетиан и Юстиниан – иллирийцы, как и римский историк Аппиан, – не без гордости заметил гость.

– Да, несмотря на завоевание римлянами и греками, иллирийцы сохранили внутреннюю свободу, которую несут в себе, чтобы когда-нибудь вновь возродиться великой державой. Ты

не должен забывать своего происхождения, – молвил волхв, пристально глядя на философа, – и я буду называть тебя Иллар.

Они поговорили о богах – римских, греческих, иллирийских, славянских. Потом философ осторожно стал касаться Христовой веры. Вокруг собралось много жителей.

– Константинополь, конечно, далеко от Херсонеса, но с ним многим народам приходится считаться, – говорил Иллар. – И, самое главное, Империя не бросает в беде своих детей-христиан. Я вот в скором времени отправляюсь в Хазарию по велению нашего императора Михаила, кесаря Варды и светлейшего патриарха Фотия, которые узнали, что в Хазарии иудеи и арабы притесняют христиан. И я иду замолвить за них слово божье и избавить от рабства.

– И ты не боишься идти один, ну, даже вдесятером, в их логово? – спросил дед Ключник.

– Нет, не боюсь, потому как Слово Божье – самое сильное оружие, – уверенно отвечивал Иллар. – Я учу детей грамоте, а людей заветам Христовым, и все деньги, что мне платят, я трачу только на то, чтобы выкупить наших братьев-христиан из рабства.

– Сие похвально, – отозвался Ключник. Старейшины согласно закивали головами.

– И вы, ежели окреститесь, – продолжал далее неожиданный гость, – тоже получите защиту великой Империи, а ещё более – Единого Бога Иисуса Христа.

До глубокой ночи длилась та беседа волхва и старейшин с Илларом, но так и закончилась ничем. Не захотели русы принять чужую веру, и опечаленный их отказом философ вместе с монахами поутру покинул селение.

* * *

Гроза находился на склоне, как всегда зорко поглядывая не только на овец, что разбрелись меж камней, выискивая пожухлые пучки травы, но и по сторонам. Было около полудня, когда привычный взгляд остановился на соседней горе, над которой клубились серые облачка. Туман, или за вершину зацепилась долгожданная туча?

«Какой туман? – тревожно рассудил пастух. – Солнце жарит неимоверно, и сушь стоит уже сколько седмиц. А тучи не бывают такого цвета, дым, точно, дым!» – Сердце тотчас тревожно сжалось. Юноша рванул вверх по склону своей горы. Гроза поднимался борзо, как только мог, тяжело дыша, уже не стараясь унять рвущегося из груди сердца, быстрее, быстрее... Добравшись до вершины и почти ничего не видя от сонма пляшущих разноцветных кругов перед очами, пастух почти рухнул на камень, невдалеке от которого была сложена сухая трава, ветки, обломки дерева и кора.

Хриплое «ка-р-р» пробилось сквозь шум в ушах. Взглянув на горку дров и хвороста, юный пастух узрел большого ворона, восседавшего на самом вершуге заготовленного кострища.

– Ну вот... нашёл где сидеть, сейчас запалю... лети себе! – хриплым, под стать вороньему, голосом, с трудом проговорил Гроза.

Ещё раз, недовольно каркнув, ворон, едва взмахнув своими большими крылами, поймал поток ветра, почти всегда дующего над вершиной, и, распластавшись, заскользил над каменистыми склонами. Пастух достал из сумы кресало. Руки дрожали и не слушались. Не сразу он смог разжечь огонь, ругая себя за слабость. Наконец, робкий огонёк куснул сухую травинку, перекинулся на другую, и вот пламя охватило весь высохший до звона пучок. Костёр разгорался быстро и жарко. «Дым, нужен дым!» – Гроза нагреб за камнями травы вместе с землёй и ракушками и бросил их в огонь, костёр задымился. – Всё, теперь скорее вниз, в селение! Стой, а овцы? Их гнать в селение долго, оставить здесь тоже не дело. – Пока бежал к стаду, пришло решение: загнать овец в расщелину под нависшей скалой, тут их вовек никто не найдёт. Он очень торопился, и всё равно прошло достаточно времени, пока сделал всё, как надо.

– Стереги, брат Рудой, чтоб ни одна не вышла! – строго велел он псу. – Ежели меня не будет до вечера, тогда погонишь домой, уразумел? Такие, брат, дела, враг идёт, а кто, пока

не ведаю, стереги! – Пёс жалобно заскулил, когда его хозяин быстрым шагом стал уходить прочь, но, поглядев на сбившихся под наскальным козырьком овец, понурил голову и вернулся к службе.

Гроза решил идти не той дорогой, которой обычно гнал овец, а короткой, через ущелье. Он стремился быстрее добраться до селения, где, наверное, уже собирались все, кто мог сражаться. Сумка, в которой лежали огниво, кистень, свирель и тыква с остатками воды, била по бедру, но юноша не замечал этого. Тяжело дыша и смахивая пот с чела, Гроза бежал вниз по склону. В спешке он не заметил, что камень на краю тропы изрядно потрескался, и ступил на него. Нога ушла вместе с камнем вниз, тело качнуло в сторону обрыва. Потная рука ухватилась за другой камень, гладкий, как колено, но тут же соскользнула с него. Юный пастух старался ухватиться хоть за что-то другой рукой, прижаться всем телом к горячей скале, но... – Всё, не успел! – тоскливо мелькнуло в голове. Он беспомощно сползал по каменной осыпи, и опоры под ногами уже не было...

Вдруг кто-то невидимый схватил его за суму, да так крепко, что юноша, дёрнувшись, беспомощно завис над обрывом.

– Ха-ха-ха! – громко, почти по-человечески насмешливо прозвучало над головой. Гроза задрал голову и увидел, что зацепился не то за сук, не то за корень некогда росшего тут можжевельника, а вверху, в блёкло-синем, словно тоже выгоревшем, подобно степи, небе, парил, расправив крылья, тот самый огромный ворон.

Радость и некоторая обида придали пастуху силы. Очень медленно, размягчив тело, как учил его Вергун, наставник по воинской здраве, волной вытягивая руку, Гроза дотянулся до корня и с облегчением ощутил его небольшую, но крепкую плоть. Так же размеренно стал подтягивать вторую руку, плечо, грудь, а потом очень осторожно ноги, одну, а за ней другую... Когда рука снова дотянулась до гладкого камня, с которого недавно сорвалась, а нога нащупала опору, он так же плавно, но уже быстро собрал тело в комок и выполз наверх. Сел, прислонившись к горячему боку скалы. Прося прощения за свою торопливость, поблагодарил за спасение скалу и ворона, который, сделав напоследок ещё один круг, величественно удалился по своим делам. Гроза почти явственно услышал: «В горы гряди, в оба гляди. Одно око туда, где Боги, а другое, где ноги» – так рёк часто дед Ключник, когда учил молодых, как с горами да камнями себя вести. Старик знал, о чём речёт, потому как не только здесь, в Таврике, все горы исходил, но прежде жил в горах Кавказийских, и там, в молодости, столь высоко хаживал, куда и горные козлы не поднимаются, где камни да ущелья одни, а на вершинах – вечные снега.

– Коли наверх собрался взойти, ты сперва горушку-то поприветствуй и попроси у неё, милой, дозволения сие сделать. И коли гора нахмурится облаком, не ходи, не дозволяет она, значит. Ты ведь в гости собрался, кто ж в гости-то не званным ходит, тати одни! – восклицал дед, и при сём выразительно встряхивал своей чудной клюкой из дерева, причудливо узловатого, в здешних местах невиданного. Всё это мигом вспомнилось пастуху, пока он вёл беседу со скалой.

Далее отрок спускался споро, но осторожно, засунув за пеньковый пояс рукоять кистеня, которым не раз приходилось отбиваться от волков. Гроза сам сплёл его из сыромятных ремней, утяжелив на конце медным шаром, который нашёл в одной из древних пещер.

Когда пастух вышел из-за большого белого камня к началу утоптанной тропки, ведущей к селению, расположенному среди зелени кустов и фруктовых деревьев, он на миг остановился, а потом, не помня себя, ринулся вниз, не видя ничего, кроме скачущих на разгорячённых конях всадников, распростёртых тел и отбивающихся от врагов односельчан. Вящеслав стрелял из лука, Вергун настиг одного из ворожьих всадников и свалил его наземь.

Грозе почудилось, что он уже не бежит по земле, а как бы летит над ней, но слишком медленно. На тропе появились два хазарских всадника. Они летели во весь опор, а ему чудилось, будто кони приближаются как-то неправдоподобно медленно. Дубовая рукоять кистеня

привычно легла в длань. Он не знал, что в краткий миг грозящей смерти всё запоминается так крепко, до самых мелочей. Нечто, похожее на длинный и узкий цветной мешок, лежало поперёк седла у одного из хазарских воинов, а другой придерживал перед собой мальчика лет пяти в белой, измазанной чем-то рудым рубашонке. Тот, что был ближе, с мешком поперёк седла, не сбавляя бега коня, метнул в пастуха сулицу, а второй воздел для удара лёгкий, чуть изогнутый хазарский меч. Гроза прынул в сторону, уклоняясь от сулицы, которая лишь слегка чиркнула плечо. Юноша упал почти под ноги хазарского коня, но в миг касания с землёй успел взмахнуть кистенём в сторону лошадиных передних копыт. Хазарский меч наверняка разрубил бы пастуха, коли б не малец перед всадником, который помешал хазарину наклониться при ударе, как следует. В сей миг прочный плетёный ремень кистеня, влекомый над землёю тяжёлым медным шаром, обвился вокруг ноги хазарского коня, и тот на всём скаку с ржанием полетел наземь, изгибая шею. Кистень вырвался из руки, и Гроза встал на ноги, обезоруженный. Конь, вскочив, тут же вихрем понёсся далее, а плотный, но юркий хазарин, тряхнув головой, выхватил нож и бросился к пастуху, который не успел достать свой нож из сумки. Но лишь один шаг сделал хазарский воин, как оперённая русская стрела пронзила его грудь. Противник рухнул к ногам Грозы. Тут же промчался мимо на буланом коне наставник Вергун.

– Радимку возьми! – крикнул он на ходу.

Сброшенный конём малец лежал в неглубокой ямке. С замиранием сердца Гроза бросился к нему, ощупал. Кажется, цел, только чело и щека исцарапаны в кровь. Без сознания... наверное, ударился о камень. Оглядываясь, не скачет ли ещё кто из врагов, Гроза поднял мальчика на руки и понёс к селению. На сём недолгом пути, показавшемся вечным, он зрел безжизненные тела знакомых селян, детей, жён, стариков. Ещё недавно он встречался с ними, говорил, слушал сказы того же деда Ключника, который сейчас лежал у порога своего убогого жилища с разрубленной головой, а чуть поодаль валялся его чудной посох. Хоть и светило солнце, но Грозе казалось, что вокруг сумрачно. Чёрный сумрак окутал душу, заполнил мысли и сердце. Юноша опустил подле тела старого гороходца, не в силах идти далее, говорить или даже двигаться. Голова была пустой, гулкой и горячей, словно только что обожжённый горшок, в ней не осталось ни одной мысли. Непонятная боль давила сердце, а во рту ощущалась горечь.

Робкое движение мальчика, а потом и его всхлипывающий голос заставили Грозу очнуться.

– Живой? Ты живой, хороший мой, – не заметив, как и сам всхлипнул, молвил отрок, прижимая к себе спасённого мальчика. – Сейчас, сейчас пойдём к мамке... – с трудом поднявшись, он побрёл далее к жилищам.

Казалось, в пустом селении остались только лежащие на земле трупы. Но вот из укрытий начали появляться схоронившиеся женщины и дети. Гроза с замершим сердцем оглядывался вокруг, боясь узнать в очередном распластанном теле кого-то из родных. Дверь в их мазанку была отворена, но внутри никого не оказалось, только разбросанные вещи и разбитая крынка на полу. Живы ли родные и где они, было неизвестно. Юноша побрёл с мальцом далее.

– Ну вот, Радимка, ты дома, – молвил Гроза, опуская дитя на землю. – Пойдём! – Малец помедлил, а потом неуверенно засеменил следом по тропке к родному порогу. Пастух быстрым шагом прошёл к жилищу соседей, но не успел отворить дверь, когда услышал за спиной плач дитяти. Он обернулся и увидел за широко разросшимся смородиновым кустом окровавленное тело молодой женщины, в которой узнал мать Радимки. Малец, несмело подойдя к матери, стал тянуть её за руку и просить: «Вставай! Мама, вставай!» Пастух будто окаменел, не зная, что делать. Потом он с трудом оторвал дитя от мёртвого тела и понёс его прочь. Он снова обнял мальчика, прижал к себе и, выйдя на край селения, бессильно опустил на плоский ноздреватый камень-известняк. Тут и встретили его возвращавшиеся после боя односельчане. Среди них Гроза узрел отца и Вергуна.

– Ты чего мальчика мамке не отдал? – спросил Вергун, осаживая разгорячённого недавним боем и сумасшедшей погоней коня.

– Нет у него больше мамки, – выдавил юноша, – зарубили Елицу...

Мимо проезжали другие односельчане, многие были ранены, некоторые везли отбитых у врага детей и жён. На ведомых в поводу конях поперёк сёдел лежали трупы погибших. Молодой пастух глядел на всё это молча. Вдруг он насторожился и вытянул голову. На одном из коней лежало до боли знакомое тело. Седые волосы развивались по ветру, а руки, будто прощально махали в согласии с шагом лошади.

– Убили нашего Хорсовита, – горестно промолвил Вергун, увидев, как прикипел Гроза взглядом к телу волхва. – Мог отсидеться в пещерах, да не стал. Тропу, по которой хазарский отряд сюда прошёл, в самом узком месте камнями завалил. А как стали хазары тот завал на обратном пути обходить по склону, принялся камни на них сверху скатывать. Стрелой его вороги достали, так и погиб наш волхв в сражении, как воин. Кабы не Хорсовит, успели бы скрыться, окаянные.

Молодой пастух глянул на наставника будто высохшими до дна очами.

– Отчего так? Мы ведь просто живём, никому зла не делаем, а они приходят нас убивать и грабить, отчего? – негромко, но с великой горечью молвил разбитыми при падении устами Гроза.

– Мы отбили их и прогнали, жаль только, не всех настигли, и не всех взятых в полон вернули, – ответил Вергун, слезая с коня и садясь рядом с пастухом на широкий, как стол, камень.

– Завтра они могут прийти снова, не завтра, так через седмицу, или следующим летом...

– Придут, значить опять будем давать отпор, – мрачно ответил наставник, глядя на потухшего и только чуть бессильно всхлипывающего Радимку. Потом он ещё раз-другой кинул странный взгляд на Грозу и, наконец, собравшись с духом, негромко повторил: – Не всех, брат Гроза, мы смогли настичь, и потому не всех полонённых отбили... – он запнулся. – Звени-славу... тоже того... не смогли...

От неведомой и безжалостной боли перехватило дыхание, перед очами потемнело, голос Вергуна стал отдаляться и пропал совсем. Очнулся юноша от того, что кто-то хлопал его по щекам. Обведя взором окруживших его людей и Вергуна с Радимкой на руках, Гроза не сразу вспомнил, где он и что с ним. Потом, когда дали воды и чуток полегчало, он поднялся и шатающейся походкой пошёл к родному дому. Туман перед очами развеялся, но внутри осталось какое-то оцепенение, которое не минуло и тогда, когда увидел живыми и здоровыми мать и отца, узнал, что лишился брата, и только двое из младших сестрёнок уцелели и стояли подле родителей, прижавшись к ним так крепко, словно боялись, что те сейчас куда-то исчезнут. Он кивал, даже что-то отвечал на возгласы матери, горестные от потери и радостные от того, что он, Гроза, жив. Он понимал, что его обнимают, но не чувствовал этого.

Потом была горькая тризна по умершим и слёзы по тем, кого увели в полон. Но у Грозы уже не было слёз. С потерей близких и похищением той, которой он только любовался издали, о которой грезил в счастливых мыслях, что-то серое и тяжкое навалилось на плечи, как мешок с могильной землёй, вползло в душу холодным скользким гадом. Не ведал он, как это серое и тяжкое зовётся, и почто оно непрестанно мучит человека лютой тоской и безнадёгой.

Однако надо было продолжать жить и трудиться. Люди помогали друг другу, как могли. Осиротевшего Радимку семья Грозы взяла к себе, и он стал отроку названным братом, а родителям ещё одним сыном вместо уведённого в полон.

А вскоре, где-то через две седмицы, опять залаяли собаки и взметнулись в небо сигнальные дымы. Все тут же бросили свои дела и схватились за оружие. Несколько отчаянных отроков вмиг взлетели в сёдла и, как вспугнутые хищником птицы, разлетелись в разные стороны,

чтобы изведать, откуда и каким числом идёт враг, а дети и жёны, прихватив самое необходимое, узкими тропками устремились к тайным схрамам.

Но двое отроков вернулись и сообщили, что на подходе к селению греческий воинский отряд остановился подле озера.

– А с воинством тот самый Иллар, что про бога ихнего нам рассказывал! – громко выпалил один из юных дозорных.

– Только от хазар отбились, а тут на тебе, греки... – горестно молвил кто-то из селян.

– Так то ж философ, он нас заметил и кричит, чтоб мы приблизились и не опасались, – торопливо добавил второй отрок. – Я подъехал, а он речёт, мол, не бойтесь, мы с миром пришли, вот.

– Хм, а коли с миром, то зачем воинов привёл? – озадаченно почесал затылок старейшина Щука. – И что, стоят греки, к селению не идут?

– Так, стоят на месте, коней поят.

– Коль так, пойдём к ним, всё разузнаем, – решил старейшина.

Вскоре посыльные вернулись, ведя за собой философа, его двоих помощников и десятка два греческих воинов, которые были одеты в короткие греческие рубахи без рукавов, кожаные лорики и штаны до колен. На перевязи, надетой через плечо, в ножнах покоились римские мечи. Обуты в башмаки или сандалии. В левой руке они несли небольшие круглые щиты, а в правой держали свои шлемы с гребнями из конских волос. Следом поднимались два воза, на одном из которых был большой окованный медью сундук, а на другом воинское снаряжение.

– Непокойно на дорогах стало, – озабоченно рёк Иллар, – разбойники так и рыщут, приходится с охраной ездить. А как тут у вас?

Старейшины поведали горестную весть о набеге хазар.

– А не я ли рёк вам, – укоризненно обратился Иллар к людям, – что не спасёт вас дуб ваш, не бог он, а только древо великое размером есть. И волхв ваш голову сложил, хороший человек был, да не вступились за него боги языческие, избави Господь от упоминания их имени! – осенил себя крестным знамением священник. – Вам просто необходимо принять крещение! – озабоченно молвил Иллар. – Если вы станете христианами, то окажетесь под покровительством Великой Ромеи, никто не посмеет вас тронуть! – горячо убеждал людей философ. – А иначе в любой миг разбойники скот ваш уведут, мужей убьют, а детей, женщин и отроков заберут для продажи на рынках невольничьих.

– Про то нам не хуже тебя, почтенный философ, известно, – угрюмо отвечал старый дед. – Сколько наших юношей и детей те же хазары оскостили в Кафе, сколько окрестных народов захватили в рабство, не счесть.

– Да и на ваш Херсонес сколько раз покушались, – молвил другой почтенный старец. – Благо, стены у него прочные, да воины добрые у вас там имеются.

– Да, Ромейская Империя сильна и богата, и защищают нас воины, а не мирные хлебопашцы и скотоводы, как у вас. И вы, коли станете под сень святого креста, получите поддержку нашу, как братья по вере. Сами видите, наши воины отменно вооружены, – указал на свою дружку философ. – А в Херсонесе, Хорсуни, – поправился он, – есть железные латники, которым даже стрела и меч нипочём. Мы не оставляем своих братьев по вере, и христианина из того же рабства гораздо легче освободить, чем язычника, потому что все страны мира знают: за каждым христианином стоит Великая Империя и сам Господь Иисус Христос!

Селяне загудели.

– Можем и вправду все загинуть при новом набеге хазарском, – горестно рек кто-то.

– И дождя до сих пор ни капли не упало, – прозвучал тонкий юношеский голос.

– Может, из-за того, что боги наши от нас отвернулись, прогневали мы их тем, что в вере своей древней сомневаться начали и словам чужинца внемлем, – рассерженно отвечал кто-то из стариков. – И совета испросить более не у кого, ведь Хорсовит наш погиб.

– Так я же вам ещё с первой беседы рёк, что дерево не может быть богом, и дождя оно не даст! – воскликнул философ, пользуясь общей растерянностью. – Ни дождя, ни защиты от врагов!

– Объединиться надобно с другими родами русской Таврики, может, и Киев о помощи попросить. Там, рекут, новый князь, не то варяг, не то нурман, хазар побил и выгнал, и против греков ходил, – возразил Вергун.

– Да что Киев, он далече, а Хорсунь-град вот он, под боком!

– Но смог же князь Бравлин собрать всю Таврику и разбить греков, что тогда ею овладели!

– Однако после ваш князь окрестился и принял Господа Единого! – заметил тут же Иллар. – Мало того, епископ Иоанн Готский, который был тавро-скифом, перевёл святое Евангелие и Псалтирь русскими письменами! Я нашёл их в Херсонесе и по ним выучил ваш язык и письмо! Я привёз эту святыню вам, чтобы вы могли самолично услышать голос Бога Единого на своём родном языке!

Философ велел воинам достать окованный сундук из повозки, открыл его и показал селянам свиток и толстую книгу, сшитую из кожаных листов.

Люди заинтересовались, стали подходить, щупать, смотреть буквы.

– А ведь правда, по-нашему написано, велесовицей нашей! – обрадовано воскликнул молодой знахарь Голубь, бывший у Хорсовита помощником.

– Вот и почитай людям слово Божье, – предложил философ.

Голубь мотнул головой:

– Нет, лучше ты сам.

Иллар сел на подставленный чурбак, на другой положил перед собой книгу, вокруг прямо на траве собрались любопытствующие.

Им странно было слышать знакомые слова, слетающие с уст чужеземца, однако столь же странным казалось и написанное, – не понимали они и половины мудрых слов, перемежаемых такими как «грех», «покаяние», «диавол», «геенна огненная», а также имён инородных, многие из которых были схожи с хазарскими. Много, однако, было и таких слов, как «свет», «дух святой», «троица единосущная», «жизнь вечная». А читал философ так благолепно и вдохновенно, так блистали очи его, что многие подпадали под очарование. Иллар охотно пояснял людям написанное, растолковывал понятным языком все премудрости.

Так продолжалось день, и другой.

Спорили меж собой старейшины, склоняясь кто к принятию чужой веры, кто к тому, что сие есть предательство предков. А за это их поддержки в явском мире не получить более никогда, а значит, тем род свой обречь на погибель.

– Не пойму я, что значит «грех первородный», – ворчал дед Щука. – Как это человек изначально в грехе рождается от прелюбодеяния, коли любовь нам дана богами, и рождение нового человека есть величайшее таинство Рода Всевышнего?! А жёны и матери есть наши богини земные, а не существа греховные. И что значит быть «рабом Божиим», коли мы есть дети и внуки наших Великих Родичей – Отцов и Дедов Небесных... Не дойду я умом, хоть тресни!..

– Что-то не хочется мне после смерти вместо нашего Ирия с богами и предками попасть в какой-то «небесный Иерусалим», – молвил Вергун. – Что мне там, русичу, среди чужих родичей делать? О чём беседу вести?

– Философ так красно речёт, и так много ведаёт, а Византия действительно великая и богатая держава, – возражали другие.

– Мы уже один раз не послушались Иллара, и что вышло? Неужто лучше в рабство хазарское угодить, чем принять дружбу с греками?

– А если нам уйти в горы, в леса и пещеры? – предлагал Гроза.

– С детьми, скотом, скарбом домашним, воинству греческому, мыслишь, трудно будет нас сыскать? – строго спросил наставник.

– Неужто они станут из-за нас по горам шастать?

– Станут. Они многих своих же христиан порезали и потопили только за то, что одному и тому же богу чуток по-разному молятся. Вон сколько греков из-за иконоборчества в наши земли переселилось, – одни считают, что нарисованным богам, называемым иконами, можно молиться, а другие – ни в коем случае. А нас, как они говорят, тавро-скифов, да к тому же некрещёных, греки и вовсе за людей не считают, одним селением больше, одним меньше...

Русы всё больше понимали, что не сегодня, так завтра им быть окрещёнными сим красно-речивым греком, потому что куда не кинь, а всё одно клин. Не принять сейчас греческую веру, знать погибнуть от хазар, а не от хазар, так от иных разбойников. Выбор не велик. А помимо того, беспокойство вызывали и воины греческие, которые вели себя пока миролюбиво, но, кто знает, как повернётся завтра, если вдруг Иллар рассердится, что люди не хотят окреститься.

Спорили мужи, жёны, и даже отроки, и начиналось от тех споров меж людьми разделение. Даже недавние побратимы друг другу противоречили, и во многих семьях тот разлад обозначился, пока окончательно не разделилось селение надвое.

На третий день мужики и юноши в чистых белых рубахах собрались на берегу небольшого озера, образовавшегося из запруды горной речки.

Помощники Иллара поставили два стола на некотором расстоянии друг от друга, на один установили подсвечник с тремя свечами, а на другой положили крест, Евангелие и какой-то ящичек.

Облачённый в невиданные златотканые одежды, Иллар перед аналоем прочёл молитву о том, чтобы быть достойным своей великой миссии. Затем зажёл свечи и стал перед народом.

– Все повернитесь к западу – символу тьмы и тёмных сил, – велел он. – В этом обряде вы должны отвергнуться от прежних греховных привычек, отказаться от гордыни и самоутверждения, и, как говорит апостол Павел, отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях. Поднимите вверх руки, как символ вашего подчинения Христу. По словам Иоанна Златоуста, это подчинение превращает рабство в свободу, возвращает с чужбины на родину, в Небесный Иерусалим. Я буду задавать вопросы, а вы должны отвечать: «Отрицаюсь».

– Отрицается ли каждый из вас сатаны и всех дел его, и всех демонов его, и всего служения его, и вся гордыни его?

– Отрицаюсь, – вразнобой негромко произнёс каждый из стоящих с поднятыми руками. Многие опустили очи долу.

Трижды повторил Иллар вопрос, и трижды глухо ответствовали на него люди.

– И дуни, и плюни на него трижды через левое плечо! – велел священнослужитель и показал, как это сделать.

Люди повторили, дунув перед собой и трижды поплевав через левое плечо.

– Опустите руки. Отрекшись от дьявола, вы встали под защиту Христа, взяв, по слову апостола Павла, щит веры, чтобы возмочь угасить все раскалённые стрелы лукавого. Теперь все повернитесь к востоку. – Люди послушно стали ликом к вечному живому светилу. – Ныне, когда вы отреклись сатаны, разрывая совершенно всякий с ним союз, и древнее согласие с адом, отвергается вам, рабы Божьи, страна света. Повторяйте за мной слова исповедания верности Христу. Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, иже от Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с Небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий

день по Писанием. И восшедшаго на Небеса, и сидяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, иже от Отца исходящаго, иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима, глаголавшаго пророки. Во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино Крещение во оставление грехов. Чаю Воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.

По окончании чтения Символа веры, Иллар спросил окрещаемых:

– Сочетались ли Христу?

– Сочетахомся, – глухо бубнили люди.

– И веруете ли ему, яко Царю и Богу?

– Веруем!

– И поклоняетесь ли Ему? – осенив себя крестным знамением, Иллар повернулся в сторону походного алтаря и низко поклонился кресту с распятием.

Люди, неумело перекрестившись, повторили, некоторые остались стоять.

– Поклоняемся! – с нажимом повторил философ. – Сие поклонение необходимо для преодоления своей гордыни и утверждения подлинной свободы и достоинства во Христе. Вы приняли чрезвычайно важное в своей жизни решение, потому как эта клятва дана навсегда. Дальше – только вера и верность, вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств, ибо, по словам Господа нашего Иисуса Христа, *«никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия»*.

Взяв поданное помощником кадило, источавшее ароматный дым, Иллар подошёл к воде и покадил на три стороны. Прочтя молитвословия, священник, наклонившись, трижды перекрестил воду, погружая в неё персты, и, дунув на неё, произнёс:

– Да сокрушатся под знамением образа Креста Твоего все сопротивные силы!

После освящения воды он взял сосуд с елеем, также изгнал из него демонов посредством троекратного дуновения в сосуд и троекратного осенения его крестным знамением со славami:

– Благослови сей елей силою, и действием, и наитием Святаго Твоего Духа, якоже быти тому помазанию нетления, оружию правды, обновлению души и тела, всякаго диавольскаго действия отгнанию, во изменение всех зол, помазующимся верою или вкушающим от него во славу Твою, и Единороднаго Твоего Сына, и Пресвятаго, и Благаго, и Животворящаго Твоего Духа, ныне и присно, и во веки веков.

Кисточкой с освящённым елеем священник трижды «помазал» воду в пруду, поя: «Аллилуиа».

Затем велел мужикам раздеться и по одному подходить к нему. Макая кисточку в елей, Иллар мазал каждому чело, грудь, спину между лопатками, уши, руки и ноги.

– Помазается раб Божий... – распевно произносил служитель, – как твоё имя?

– Буслай.

Иллар поморщился.

– Помазается раб Божий Буслай... Дальше, твоё имя? – спросил он у следующего.

– Велесдар...

– Будешь Василий! Все, у кого чисто языческие имена, должны их сменить!

– Помазается раб Божий Николай... Хлыст... Иоанн... Евстафий... елеем радования, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков, аминь!

После помазания Иллар велел всем войти в воду и повернуться к востоку. Потом зычно провозгласил:

– Крещается раб Божий... каждый произнесите своё новое имя, во имя Отца... все с головой погружаемся в воду... Аминь! И Сына... погружаемся во второй раз. Аминь! И Святаго Духа... погружаемся в третий раз. Аминь! Ныне, и присно, и во веки веков. Аминь! Выходите, облачайтесь и подходите ко мне!

Беря из ящичка кресты, Иллар надевал их на шею каждого подходившего мужа. Было несколько медных крестов, которые Иллар привёз с собой, остальные деревянные, которые мужики сами вырезали накануне.

– Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет... – пел Иллар чистым и сильным голосом. – Вместе со мной: – Поклоняюся Отцу и Сыну, и Святому Духу, Троице Единосущной и Нераздельной! – священник опять осенял себя знамением и кланялся.

Воины, стоявшие в отдалении, сняв шеломы, слушали привычную для себя молитву на незнакомом языке, и время от времени, тоже крестились и кланялись.

После мужей тот же обряд прошли жёны, им Иллар разрешил входить в воду одетыми.

Многие получили новые непонятные имена – Аграфена, Марфа, Сарра, Юдифь.

В селение возвращались молча, почти никто не говорил. Да и о чём говорить? Многих тайне терзало чувство вины и стыда, хотя иным обряд крещения понравился.

Вернувшись в селение, Иллар перед всеми поздравил новокрещёных, раздал им каждому по монете.

– Итак, ныне вы стали полноправными членами Церкви Христовой, – молвил философ, и теперь сможете приступить ко второму важнейшему из Таинств – Евхаристии, то есть Причащению. Для этого вы должны завтра прийти натощак, ничего не евши и не пивши, ко мне, дабы причаститься святых Тела и Крови Господних.

Отпустив паству, священник уединился в отведённом ему жилище и ещё долго творил молитвы перед распятием.

Вечером того же дня, когда Иллар причастил селян телом и кровью Христовыми, люди, в основном из тех, что согласились пойти под защиту христианского Хорсуня, сидели и слушали мудрые речи философа. Иллар наставлял, что отныне они должны обязательно ходить в церковь Божию, исповедоваться в грехах своих, причащаться, соблюдать пост и учить молитвы.

– В Херсонесе есть люди из ваших, я попрошу их переписать сии Священные книги, и вы сможете читать их. Однако на всех языках слово Христа священо, потому ходите в любую церковь и слушайте службу Божию, и её благодать снизойдёт на вас!

Гроза, стоя поодаль, различал лишь отрывки их долгой беседы. Единственное, что он понял, кроме наставлений грека о правильном исповедовании новой веры, которая уже давно в Греции, Риме и большей части Европейской земли принята, и которая даст защиту надёжную, это то, что философ склонял новокрестившихся селян срубить Священный Дуб!

– Негоже человеку поклоняться дереву, которое богом создано для того, чтобы гореть в очаге, да для изделий разных, человеку для жизни необходимых, предназначено. Негоже ему требы возносить и молитвы, как настоящему богу, ведь Бог один на земле и в небе, это Иисус Христос! – восклицал Иллар. – Ныне вы отрешились от дьявола и злых козней его, не вводите же себя и других во искушение, исторгните дерево сие из земли и сердец ваших, дабы там поселилась только любовь к Христу! – очи проповедника блистали, он вдохновенно приводил слова из христианских писаний, стараясь получше исполнить свою великую миссию просвещения заблудших, ведь ему, как и Богу-Христу в часы его земной жизни, исполнилось тридцать три года. Чем больше говорил философ, тем более возгоралась его вера в то, что он поведёт за собой тысячи, нет сотни тысяч бывших язычников. Ещё немного, и эти тугодумы, эти Фомы неверующие поколеблются в своём варварском невежестве... Но опять старейшины задавали свои простые вопросы, например, если надо верить в Христа, зачем обязательно уничтожать священный Дуб, чем он виновен перед его Христом?

Волнение перехватило горло, Иллар закашлялся и раз-другой хватил ртом воздух, настоящий на ароматах горных трав. Его стала брать досада, а потом и греховный гнев. Долгие годы отказа от всего, – книги, книги, книги, уроки диалектики и риторики у самого Фотия в училище Магнавра в Константинополе, языки, священное писание, история, философия, тео-

логия. Он учился не просто прилежно, он старался впитать знания, как сухая губка, отрекаясь от юношеских забав и игр. Отказался от выгодного брака с дочерью канцлера, от карьеры на государственной службе, отказался от всего, уединившись в монастыре, не признавая себе, что виной всему стало чьё-то случайно оброненное замечание: «посмотри, как этот юноша похож на образ Христа». Это врезалось не в память, нет, это проникло в плоть, в кровь, в его дух и жилы, и он стремился быть лучшим и достойным. Он потерял своё здоровье, день и ночь корпя над свитками в библиотеке, вдыхая их пыль и плесень, которая навсегда отравила его лёгкие, и всё это лишь для того, чтобы ограниченные повседневной мелочью людишки, не знающие ни священного писания, ни мудрости древних философов, ни тайн споров великих теологов, чтобы эти варвары сейчас сидели перед ним и в первозданной тупости вопрошали, почему они должны ради Иисуса срубить свой дьявольский дуб?!

«Дьявол искушает тебя гордыней и гневом», – шепнул то ли внутренний голос, то ли ангел-хранитель за правым плечом, и Иллар взял себя в руки, внутренне возблагодарив Господа и раскаиваясь за излишнюю горячность. «Всё равно я уничтожу его», – уже почти спокойно решил философ.

В пылу спора он не заметил, как старший из охранников что-то шепнул второму и тихо удалился к двум раскинутым на склоне воинским палаткам. Иллариу было не до того.

Не до того было и Грозе, которого слова философа о том, что потребно срубить Священный Дуб ради чужой веры, ударили в самое сердце крепче, чем дубина лихого татя на проезжей дороге. Срубить Древо Перуна, то самое, которое спасло жизнь ему, Грозе, и его сородичам, помогая обильными дождями, когда засыхает трава и нечем кормить животных, когда пересыхают ручьи и речушки. Сколько сотен лет сему дереву? Старики рекли, что не менее тысячи. Сколько поколений пращуров поклонялись Защитнику, скольких он уберёг и вылечил, сколько силы и памяти он хранит под своим зелёным куполом в вечной сини небес? Его срубить? – Холод и невыносимый жар, ощущение гулкой пустоты и липкая тошнота, подкрадывающаяся к горлу, всё враз перемешалось внутри. Нет, нет! Ни за что и никогда он не позволит уничтожить Священное Древо!

* * *

Гроза, крадучись, дабы не потревожить сон домашних, выскользнул из жилища. Босые ноги привычно мерили тропинку в темноте. Рука в который раз скользнула к поясу. Нож, с которым всегда отправлялся в горы или когда выгонял отару на пастбище, был при нём. Он всё продумал и решил. От предутренней прохлады или от волнения, которое не покидало со вчерашнего вечера, тело была лёгкая дрожь. Чтобы согреться, старался идти быстрее. Вот он и на месте. Скоро начнёт светать, а потом придут люди... Придут, чтобы убить Его...

Юноша, смиряя биение сердца, подошёл к могучему исполину.

Он стоял на краю долины, крепко вцепившись в землю узловатыми корнями, бугрящимися у самого подножья и уползающими огромными змеями в плотное земное нутро. Почти у самой земли ствол богатырского древа чуть изгибался, будто когда-то, ещё в юности, был вынужден отклониться от некоего препятствия, наверное, ещё более могучего древа, от которого ныне не осталось и следа. Но зато теперь с этой стороны, где из-за отклонившегося ствола было больше света, росла вишня. Как так получилось, и почему великан не погубил столь немогущее супротив него деревце, было неизвестно. Вишня же, в свою очередь, не отстранялась, а как бы льнула к дубу, ища у него защиты, и потому никакой даже самый сильный ветер, вылетавший иногда из ущелья и лихо трепавший вершины перелеска в самом низу долины, не мог нанести урона тонконогой красавице.

На высоте в полтора человеческих роста ствол дуба разделялся вначале на две, а потом ещё на три отдельные могучие ветви, которые, разделяясь далее, образовывали огромный зелё-

ный шатёр, под которым всегда была густая тень, и даже в самую жару путник мог обрести здесь отдых.

Осенью вся земля под дубом была усыпана крупными желудями, и кабаны приходили лакомиться ими целыми семьями.

С наступлением холодов серый ковёр опавшей дубовой листвы расцветивался жёлтыми и красными листьями вишни.

Потом деревья ненадолго засыпали, поскольку зима в Таврике была короткой и не очень студёной.

Но особенно трогательным было сие зрелище весной, когда листва дуба ещё только распускалась и вишня, освещаемая солнечными лучами, зацветала своими белыми нежными цветками. Ну, чистые тебе Жених и Невеста! Красота и Защита. Любовь и Верность.

Гроза мечтал когда-нибудь привести под крону Священного Дуба ту самую, которую впервые полюбил более своей жизни, чудную, как вечерняя Заря и непостижимую, как загадочный небесный свод. Привести её и сказать, нет, не говорить, а поклясться, что он будет с ней навсегда, и на земле, и в небесном Ирии, как этот Священный Дуб и прильнувшая к его могучему стволу нежная Вишня! Где теперь любимая, об этом Гроза боялся даже думать. Но она сама и мечта о ней навечно остались здесь...

– Отче, – тихо, но твёрдо проговорил, обращаясь к Дубу, Гроза, и очи его полыхнули каким-то внутренним огнём, – я всё решил. Прежде чем грек поднимет топор, я ударю его своим ножом. Меня, конечно, после схватят и казнят, но Ты будешь жить... – Он замолчал, вспоминая, как вчера уже ночью, когда закончился, наконец, разговор грека-философа со всеми взрослыми жителями их селения, он подошёл к одному из старейшин, что приходился ему двоюродным дедом, и спросил, что решили. Старик, понутив голову, горестно рёк, что на рассвете все пойдут к Священному Дубу...

– Мы и так долго от их крещения ускользали, а нынче не выйдет, сам видишь, как теперь за нас взялись. Все старейшины рекли философу, что, мол, не надобно Древо уничтожать, дадим обет, что не станем ему жертвы приносить и молиться, только рубить не надо красоту божескую. А он упёрся, что твой осёл, всё писание святое нам пересказывает. В общем, уразумели мы, что ему край как надо свершить сие деяние, подобно тем апостолам, про которых он нам уже четыре дня без умолку толкует. Шибко сердиться начинает, хочет, чтоб было так, как он считает правильным. Одержимый, одним словом... Ну, как тут супротив пойдёшь?

Почему, почему старшие умные и опытные люди, те, кого он уважал, теперь покорно склоняют головы перед этим греком? – билась в голове горячая мысль и никак не находила ответа. Гроза обошёл древо вокруг раз и другой, прикидывая, с какой стороны удобнее будет встать греку, чтобы ударить топором. «Скорее всего, здесь, значит, мне стать вот тут, чтобы его охоронцы не успели перенять меня».

Юноша ещё некоторое время походил у древа. Резкий хриплый крик ворона нарушил тишину и словно отрезвил мысли. Гроза вдруг понял, что не сможет напасть на грека здесь, ведь это значит осквернить священное место убийством, а чем это лучше убийства Перунова Древа? Гроза торопливо вернулся к селению. Оглядевшись вокруг, он схоронился в кустах за валуном у самой тропы. «По ней непременно пройдёт грек со своей охороной, вот здесь тропа сворачивает, и они окажутся ко мне спиной».

Ждать пришлось не так долго. Едва рассвело, из селения потянулись люди. Гроза время от времени незаметно вглядывался в прохожих. Прошли греческие воины. «А вот и грек-философ, ага, охоронец у него один, второй командует воинами». Стараясь унять громко и часто забившееся сердце, Гроза замер, почти не дыша. Такие длинные мгновенья, и такие медленные шаги старейшины, идущего подле Иллара с охоронцем. Рука скользнула к поясу, примериваясь к рукояти ножа. От озноба не осталось и следа, жар, взметнувшись из солнечного сплетения, ударил в виски, перед очами замелькали не то жучки, не то какие-то пятна. Наконец, все трое

прошли мимо и оказались к нему спиной. Гроза вскочил на негнущихся ногах, выхватил нож, но не успел сделать ни шагу. Тяжесть навалилась на него сзади, правая нога подломилась, а запястье сжала чья-то сильная рука. Оседая тут же в кустах, он хотел крикнуть, но другая грубая длань закрыла уста, и из них вырвалось лишь сдавленное мычание. Чуткий инок-охоронец быстро оглянулся, сжимая в руке невесть откуда взявшийся короткий меч, но, не заметив прямой опасности и приняв стихшее шуршание в кустах за полевую зверушку, снова поспешил за Илларом.

Как же так, как второй грек-охоронец смог оказаться сзади? – Гроза рванулся изо всех сил, но невидимый противник ещё крепче прижал его к земле. Поняв, что вырваться бесполезно, юноша обессилело затих и сквозь разом накотившую на него отвратную тошноту почуял, как ослабил захват тот, кто его удерживал. Гроза медленно обернулся к противнику и... вместо греческого черноризца узрел своего друга и наставника. Удивлённо захлопав очами, в которых ещё стояли слёзы отчаяния, он только смог с трудом выдать:

– Вергун, ты... что это... отчего?..

– Оттого, брат Гроза, что убив этого грека, ты всё селение наше погубишь, мать свою, и отца, и братьев, и сестёр, и Радимку, всех, разумеешь? – устало молвил Вергун.

– Тогда прощай, брат, – с дрожью в голосе молвил юноша, поднимаясь и вставляя нож в ножны. – Один раз ты меня за руку схватил, второй раз могу не сдержаться, уходить мне надо.

– Куда ты пойдёшь?

– Не ведаю пока, но благодаря науке твоей и Хорсовита не пропаду. Сам знаешь, и в лесу, и в горах найду кров и пропитание зимой и летом, да и пастух из меня вроде неплохой. Моим скажи, чтоб не волновались, не пропаду. Брата и Звениславу я найти должен. Тут каждый камень и дерево о них напоминает... а теперь Дуб... тяжело мне, не могу больше, пойду я, брат Вергун. Прощай!

Гроза выпрямился и, не оборачиваясь, скорым шагом стал удаляться от родного селения.

* * *

А в это время у Перунова Дуба уже собрались почти все жители. Хмуро внимали он речистому иллирийцу, изредка бросая косые взгляды на греческих воинов, выстроившихся поодаль от Священного Древа во главе со своим друнгарием. Молчали суровые воины, молчали, опустив долу очи, русы. Напряжением звенел воздух у сказочного древа, и только философ всё говорил и говорил, и то, что никто уже не спорит с ним и не задаёт своих бестолковых вопросов, всё более вдохновляло его. Чем больше он говорил, тем более вдохновлялся своими речами, ощущая себя подобным уже не только апостолам, но и... может быть, Самому... Капли пота на бледном челе сливались в ручейки и стекали по бескровным ланитам, мешаясь со слезами не то вожделенной радости, не то молитвенного экстаза.

– И разверзнете души ваши, очистившись от скверны языческой, – речитативом продолжал Иллар, – приступив к свету великому, свету истинной веры Христовой, да снизойдёт на вас благодать Господня, и да пребудете вы с ней ныне, и во всяк час, ибо Христос, Сын Божий, искупил все грехи ваши...

Греческие воины всё больше подпадали под влияние вдохновенных речей пастыря, даже те, кто не понимал славянской речи.

Воодушевлённый молчанием русов, Иллар принялся ходить по их рядам, понуро выстроившимся вокруг Священного древа, осенять крестным знаменем и брызгать водой из специальной серебряной ендовы, которую нёс помощник. Русы покорно терпели чудачества греческого проповедника, надеясь, что может быть этими непонятными действиями всё и закончится и их, наконец, оставят в покое. Но зря они так думали.

– Так порушим же, дети мои, возлюбленные богом нашим Иисусом Христом, – вскричал проповедник, принимая из рук старшего телохранителя приготовленный заранее топор, – сие древо и сии камни, как символ языческой скверны, которое по невежеству называли вы ранее богом своим и которому посвящали молитвы свои!

В наступившей полной тишине, когда даже птицы, населявшие огромную крону дерева, замолкли в ожидании беды, шагнул к могучему стволу бледнолицый священник и ударил по живому раз, другой, третий. Крепкое древо, как добре натянутая струна, отозвалось едва заметной дрожью на каждый удар топора, которая разбежалась тревогой по корням и ветвям и погасла частью в сырой земле, а частью в небесном своде, где лопотала бесчисленная листва. Как и чем ответят на сию дрожь земля и небо?

– «Бум-бум-бум» – негромким набатом звучали удары. Тридцать три раза, по числу лет своего кумира Христа, поднимал дрожащей рукою тяжёлый для него топор философ Иллар и опускал в морщинистую кору Священного дерева. Острое железо повредило тёмную бугристую кожу, под которой показалась светлая и влажная плоть. Обессиленный философ хотел передать топор кому-нибудь из просветлившихся тавро-скифов, но никто из них не принял оружие. Наступило неловкое молчание. Один из охоронцев Иллара сделал знак друнгария, и воины, подходя по одному, принялись наносить сильные рубящие удары в основание могучего ствола, посылая мерные сигналы смерти.

– Беда, великая беда станется, – прошептал одними побелевшими губами дед Шука и обессилено опустился на землю, ощущая от неё каждый новый удар топора. Потом воины подходили уже не по одному. Забрав у русов топоры, которые они так и не решились пустить в дело, греки кромсали неподатливое древо с разных сторон, попирая ногами, обутыми в воинские сандалии, груды дубовой коры и щепы.

Первой пала вишня. Уже полностью был перерублен её ствол, но крепкие объятия ветвей могучего дуба не давали упасть любимой, они до последнего были верны друг другу и принимали смерть вместе, не разделяя переплетённых ветвей. Даже мужи и старейшины, глядя на гибель деревьев, плакали, не говоря о жёнах и вторящих им младенцах. Только люди из иного мира, видящие в деревьях лишь дрова для растопки или будущие стропила для поддержания тяжёлой черепицы на богатых греческих домах, всё более распалялись из-за неподатливой твёрдости великана и его упорного нежелания пасть к ногам победителей.

Второй десяток воинов занялся уничтожением каменного святилища Хорса, бывшего одновременно солнечным календарём, с неведомо каких времён указующим наступление летнего солнцестояния. Единственное, что смогли сделать воины, это расшатать и повергнуть менгир – перст Бога.

Не удалось за день грекам и срубить дерево. Раззадоренный друнгарий повелел воинам не останавливаться и продолжать рубить ночью, при свете факелов. Никто из людей не расхохотался, все словно были парализованы неслышанным святотатством и невозможностью повлиять на сие неотвратимое злодеяние.

Когда утром взошло солнце, Дуб ещё стоял, встречая новый и последний за свою тысячелетнюю жизнь светлый день. Только привычного щебета и пересвиста птиц не было слышно ни в зелёной кроне великана, ни на деревьях вокруг. Животные и птицы, внемля стону низвергаемого исполина и боли, заполняющей все близлежащие пространства, покинули место смерти. Вот искромсанный ствол истончился до своего предела, внутри что-то громко хрустнуло, дуб вздрогнул и медленно покачнулся. Люди бросились врассыпную. Гулко, с хрустом рвущихся членов, рухнул наземь Священный Дуб, прикрыв собой тонконогую вишню.казалось, вся долина вздрогнула, и твердь земная поколебалась от этого могучего удара. И все вдруг разом узрели над собой не голубое небо, каким оно было с утра, а тёмные клубящиеся тучи, будто стекавшие со всех сторон в лишившуюся защиты долину.

Греки боязливо закрестились, пугаясь надвигающейся грозы, и по команде друнгария поспешили покинуть место недолгой своей дислокации. А небо уже роняло первые крупные слёзы на их железные шлемы, кольчуги и лорики. Раскаты небесного гнева всё приближались, заставляя воинов снимать свои шлемы с гребнями, которые прежде всего может поразить молния. И только философ Иллар, опьянённый победой над Дубом, взобравшись на ствол и подняв руки горе, восторженно восклицал, что гроза – это божий знак ниспровержения языческого Перуна и воцарения на этой земле власти Иисуса Христа!

В тот же день Иллар с отрядом покинул селение. Ему предстояла ещё более трудная задача: поездка в Итиль и философский спор о вере с иудейскими раввинами и сарацинскими муллами.

Лета 869, Итиль

Когда греческий философ и мусульманский кадий удалились, в помещении дворца остались несколько бородатых раввинов, одетых, несмотря на жару, в перепоясанные халаты и шапки.

– Рабби, как тебе удалось так быстро убедить христианина и магометанина признать преимущество иудейской веры? – с удивлением и восхищением спросил один из них, обращаясь к старшему. – Ведь ещё вчера каждый горячо отстаивал только свою точку зрения...

Иудейский первосвященник, прибывший в Итиль специально для словесного поединка с христианскими и мусульманскими философами, загадочно улыбнулся.

– Всё очень просто, братья. Я посоветовал мудрейшему Кагану нашему поговорить наедине с греческим философом и задать ему такой вопрос: твоя вера хороша, но если бы мне пришлось выбирать между исламом и иудаизмом, что бы он выбрал, какая вера, на его взгляд, лучше? Греческий философ ответил, что выбрал бы иудаизм, потому что у исмаильтян нет ни субботы, ни праздников, ни заповедей, ни законов; они едят всякую мерзость, – мясо верблюдов и лошадей, мясо собак и всяких пресмыкающихся. Тогда я посоветовал Кагану поговорить наедине с аль кади, представлявшего ислам, и попросить его сказать по правде, если взять веру христиан и иудейскую веру, то которая из них ему кажется лучшей? Аль кади отвечал Кагану: «Иудейская вера – это истинная вера, а вера христиан не настоящая, они едят свиней и всякую нечисть и поклоняются творениям рук своих».

А сегодня премудрый Каган наш Захария – да сохранит его Творец – задал им прилюдно этот же вопрос. И они вынуждены были повторить свой ответ. И тогда Каган сказал: «Если так, то вы собственными устами вашими признали, что вера Израиля наиболее почтенна, и потому я уже выбрал её, как веру Авраама, по милосердию Божию, силой Всевышнего. Если Господь будет мне помощником, то имущество, серебро и золото, о котором вы сказали мне, мой Бог, на которого я уповаю, и к защите и покровительству которого прибегаю, доставит мне без хлопот. А вы идите с миром в вашу страну».

– Воистину велик твой разум, рабби. Особенно радостно видеть поражение посланника Эдома, философа Константина.

– Хороший слуга нашего дела, умный и, главное, убеждённый, – проговорил иудейский первосвященник.

– Рабби, прости, но это же христианин, именно христианский Константинополь, чтобы ослабить Хазарию, наускивает на нас иные народы! Он только что так горячо спорил с нами, пытался поколебать нашу веру, он наш противник, опасный противник, владеющий нашим языком и знающий наши Писания, – Тору, Танах и Талмуд. Доверенные люди утверждают, что это лучший из учеников патриарха Фотия, самого умного, просвещённого, а потому наиболее опасного для нас из всех патриархов Константинополя! – с недоумением и даже некоторой долей возмущения произнёс один из раввинов.

– Нет, Иоахим, это он так думает, и ты, я вижу, тоже, на самом деле всё совсем не так. – Первосвященник привычным движением медленно огладил редкую седую бороду и произнёс так же неспешно и негромко, но внушительно, понимая, что каждое его слово жадно ловят ведущие раввины Хазарии. – Этот замечательный молодой человек, как и его патриарх, они, в самом деле, полагают, что проводят в жизнь новую веру, истово служат ей и борются за неё, они продвигают её по миру, искренне считая своей. – Раввины внимательно слушали, стараясь уловить, к чему ведёт их мудрый старший собрат. – Пусть христиане строят свои храмы и славят своего Иешуа, но это только один из ликів Творца. Первый же лик его – древний и неизменный – Существующий, имени которого мы не произносим всуе. Иешуа еретик, но он иудей, он обрезан, как и все мы, и христиане празднуют и день его обрезания, и Пейсах, и остальные наши праздники, пусть и называя их по-своему. Славят в своих церквях и роды наши, и наших святых, и царей, и народ иудейский. А потому увеличивают нашу силу. Но это ещё не всё. Все эти гои, живя по законам, прописанным в наших святых книгах, и назвав их по-своему Библией, не знают, что там только часть нашего учения, усечённая для них, а поэтому чем больше они будут утверждать усечённые законы, тем более они будут раздираемы противоречиями, смутой и враждой. – Первосвященник на некоторое время перестал говорить, чтобы успокоить своё старческое дыхание.

– Рабби прав! – Потрясённо проговорил тот, которого называли Иоахимом. – Уже сейчас Западный и Восточный Рим враждуют между собой, а что будет, когда они расширятся ещё более?!

– Верно, – одобрительно кивнул первосвященник, – придёт время, и многие будут убивать друг друга, даже не понимая, почему они это делают. Люди одной страны и одного народа, даже одного рода будут враждовать между собой. Сейчас оба Рима завоёвывают варваров и даже не подозревают, что они это делают не для себя, а для нас. Вам, священникам Великой Хазарии, предстоит владеть миром! Я не знаю точно, когда это случится, но знаю, что так будет.

– Но, рабби, – отозвался другой священник, худой, болезненного вида, с отёчными мешками под очами, – Хазария может не дожить до того благословенного часа, о котором ты нам поведал. Восточный и Западный Рим подстрекают против нас алан и печенегов, с другой стороны угрожают варвары, особенно эти русы, нам уже трудно держать их в узде последнее время, они изгнали наших сборщиков дани!

– Тот самый молодой христианский философ, с которым мы сегодня спорили, по пути к нам уже успел накинуть, как ты говоришь, узду на селение тавроскифов. А его патриарх, насколько мне известно, желает обратить в новую веру русов Киева, чтобы оградить свою империю от их варварских набегов. Русь должна понести наказание за то, что их каган Аскольд изгнал наших сборщиков дани и лишил Хазарию притока богатств с Киевских земель. Так пусть наш могущественный Господь поможет христианам в этом деле, ибо они ослабят нашего врага, и у него уже не будет ни желания, ни сил сражаться с Великой Хазарией. Христиане – наши дети, а исмаильтяне – внуки, все они вышли из нашей иудейской веры. Хотя Исмаил родился не от Сарры, жены нашего патриарха Авраама, а от её рабыни Агари. Потому исмаильтян ещё называют агарянами. Но это всё наши роды. Вот кто действительно опасен для нас – это язычники, их вера столь же древняя, как и наша, и боги их так же сильны. Потому надо помогать нашим детям и внукам в борьбе с язычниками. Пусть просвещённый патриарх Фотий со своими слугами делает всё для укрепления и расширения власти христианской церкви, пусть муллы строят свои мечети, пока в этом направлении нам с ними по пути.

– А если кто-то из тех, кто станет во главе новых христиан-варваров, захочет вести свою линию, враждебную нам?

– Мы поступим так же, как здесь, в Хазарии: мы купим их верхушку, как купили Обадью, и они все будут служить нам. Оглянитесь вокруг, разве иудеи сражаются на полях битв в войске язычников, хазар или исмаильтян? Нет, мы считаем деньги, которые эти язычники, христиане

и иσμαильтяне несут нам, как пошлину, и продаём рабов, добытых ими в набегах, даже не беря в руки оружия. Наше оружие – деньги и человеческая жадность. Купить можно всё, дело лишь в цене. И не важно, как называется государство, в котором мы живём, – Хазария, Рим или как-то иначе.

– Ты, рабби, имеешь в виду чиновников – каганов, беков, царей, а как быть со священниками – главами церквей, мечетей и храмов?

– Да точно так же. Мы должны следить, чтобы высшие посты в церквях, мечетях и храмах у людей разных верований занимали те, кому дороги роскошь, слава, деньги и власть. За это они отдадут нам духовное управление над своими народами, и сами будут стараться взять богатство со своих людей, которое, так или иначе, окажется у нас. Всевышний всегда отдаёт золото Израилю. Богатства и власть будут ложиться нам под ноги, без разницы, от какой религии, и от какого народа.

– Но есть люди, особенно среди язычников, называющих себя россами, которые не подвержены власти денег, их нельзя купить, я жил среди них и знаю это не понаслышке! – снова возразил болезненный.

– Их поглотят со временем христиане или иσμαильтяне, а тех, которые всё равно останутся глупыми язычниками, можно легко обмануть. Россы чрезвычайно легковерны, как дети, и своих целей вы можете добиться простыми обещаниями. Самых же несговорчивых, из числа волхвов, тех следует уничтожить, не нашими руками, конечно. Все средства хороши, потому что мы – народ, избранный нашим Всевышним! – Высоко подняв указующий перст, со значением молвил первосвященник, окидывая собравшихся белесыми выпуклыми глазами.

– Но, в конце концов, люди могут озлобиться и захотят изгнать или убить нас, как это было в Египте, Персии, том же Риме, – возразил всё тот же тощий болезненного вида раввин.

– Надо сделать так, чтобы повернуть их гнев на тех, кто управляет ими, а не на нас. Тому пример деяние святой Хестер, спасшей наш народ от Амана, деяния многих других подвижников. Восставшие побьют не нас, а своих правителей – и поделом им, не надо предавать свой народ. Разумеется, разгневанный люд может обратить свою злобу на наших мелких торговцев и ростовщиков, но каждый из нас – всего лишь жалкий прах на стопах Всевышнего. Кто же заботится о прахе, вздымаемом при ходьбе?

Помните – наша сила в человеческих слабостях, которые всегда были, есть и будут. Наши Священные Писания учат нас, как выжить и расплодиться среди других народов. Мы – единственный избранный народ, ибо созданы самим Б-гом, все же остальные народы были созданы семьюдесятью двумя низшими духами. Поэтому мы должны думать и заботиться только о своём имени. И настанет день, когда придёт всемирный царь Мошиах, и тогда мы по праву будем властвовать над всем миром...

Раввины расходились, просветлённые и уверенные в своей значимости и высоком предназначении. И только самый молодой из них, шестидесятилетний, с редкими рыжими волосами, хмыкнул себе под нос:

– Знать бы, что и Всевышний думает так же, а то ведь...

Глава третья

Звенислава

Звенислава, убегая к дому, не успела понять, что случилось: горло чем-то перехватило, в голове потемнело, и она рухнула на землю. Ловкий хазарин, метнувший волосяной аркан, привычно, как он это делал с лошадьми, подтянул добычу, связал пленнице руки и ноги и уложил поперёк коня перед седлом. Дальше Звенислава почти ничего не помнила, в сознании возникал только мерзкий полусон или бред, переплетённый с ужасными видениями. Её трясло на конской спине от сумасшедшей скачки, потом из пережатого чрева всё исторглось под конские копыта, которые мелькали перед челом так угрожающе, что каждый следующий взлёт копыта казался последним в этой враз превратившейся в сплошной кошмар жизни.

Наверное, сознание берегло её существо от полного разрушения, оттого остальное, что произошло с ней в первые дни плена, вспоминалось лишь отрывками. Вот после долгой скачки, убедившись, что погони нет и им ничего не угрожает, радостные и возбуждённые хазары останавливались, чтобы передохнуть, а главное, получше рассмотреть свою добычу, ради которой они рисковали жизнью. Да, охотиться на урусов опасно, но и рабы из этого большого и сильного племени стоят дороже других. Особо были рады те, кому посчастливилось добыть женщину, – ведь такая рабыня, а тем более, если она девственница, ценится очень высоко. Правда, настоящую цену купец, который скупает у них рабов, не даст, иудей всегда найдёт какой-нибудь изъян в товаре и заплатит меньше, но по сравнению с другими рабами это удача, большая удача! Иной из хазар довольно цокал языком, осматривая и ощупывая свою добычу, другой ругался с сотоварищем за скарб при делёжке, а третий просто костерил сам себя и злых демонов, за то, что отвели сегодня везение, и он возвращается почти ни с чем.

Пока весь табор галдел, ругался, нервно смеялся и просто отдыхал, юркий, как полевая мышь, отрок лет десяти ускользнул от своего «хозяина» и скрылся в кустах у подножья известковой скалы. Звенислава заметила это боковым зраком и вся сжалась внутри, ведь кинется «хозяин» товара, вот сейчас доругается с другим, и увидит, что мальчика нет. Но увидели уже тогда, когда отрок карабкался по крутой скале вверх, намереваясь схорониться среди камней. Раздались громкие вопли грабителей. На коне не достать, конь не человек, в такую гору не пойдёт. Низкорослый, как и большая часть хазар, воин с выпученными от возмущения и злобы очами – ведь уходит его, а не чья-то добыча – бросился за беглецом, но после первых же попыток влезть на крутую известняковую стену понял, что не догонит этого лёгкого и цепкого, как муравей, отрока. Тогда он схватил лук из пристёгнутого к седлу налуча и послал несколько стрел. Одна, другая стрела, цокнув острыми железными клювами о камень рядом с мальцом, вызвали крики поддержки среди остальных хазар, которые, видимо по заведённому обычаю, не стреляли в чужую дичь. Третья стрела всё-таки угодила мальцу под правую лопатку, он воздел руку, как будто хотел достать вонзившийся снаряд и... сорвался вниз по камням и уступам. Не то стон, не то вой вырвался из глоток полонённых жен и детей, а юноши и мужи только крепче сжали зубы. Малорослый неудачник, по приказанию старшего, притащил окровавленного мальчика с торчащим из-под лопатки обломком стрелы и швырнул к ногам его коня.

– Смотри все, смотри сюта, всем путет так, кто пешать, всем! – заорал старший на ломаном словенском, а остальные его воины били плетью тех, кто не смотрел на поверженного мальчика, который ещё дышал, и кровавые сгустки с хрипом исторгались из его уст. Главный хазарин подождал, когда все, не отворачиваясь и не зажмуриваясь, станут глядеть на тело, и только тогда взмахнул своим лёгким чуть изогнутым мечом. Голова мальчика скатилась в небольшую ямку, из которой росла какая-то колючая трава. Больше никто бежать не пытался.

В Кафе, куда пригнали свою добычу хазары, всех заставили войти в воду и омыться, приказав раздеться догола. С тех, кто мешкал, особенно с девушек, не хотевших разоблачаться из

природной стыдливости, хазары со смехом срывали одежду, вспарывая завязки концами клинков. Несколько купцов-жидовинов, один из которых был старым и припадал на ногу, затеяли долгий и горячий спор с хазарами, а иногда и меж собой, выторговывая каждого невольника как можно дешевле.

Звенислава едва не лишилась чувств от омерзения и ощущения собственной беспомощности, когда хромой купец, подойдя к ней, деловито помял её девичьи перси заскорузлым пальцем с искривлёнными грязными ногтями, а потом похлопал по ягодицам, которые тут же покрылись гусиной кожей.

Второй раз она была на шаг от того, чтобы вцепиться в глотку обидчику и умереть от его ножа или меча. В первый раз это случилось на вечернем привале, когда взявший её в полон ещё довольно молодой хазарин, глотая слюну и блестя очами, принялся ощупывать и гладить её тело, запуская руки под одежду. Никто и никогда не делал с ней этого, и в предощущении самого ужасного, что должно было произойти, ненависть, страх и отвращение ударили в голову, пред очами потемнело. Она с радостью выхватила бы костяную рукоять ножа на поясе вражеского воина и после удара в горло хазарина вонзила бы клинок в себя... Но руки были туго связаны волосяной верёвкой. И тогда Звенислава решила вцепиться в его шею зубами. В этот момент послышался резкий женский возглас, и к ним подошла пожилая хазарка. Она за что-то ругала молодого, оживлённо махая руками. В её возбуждённой речи несколько раз повторялось «силик кыз». Молодой воин высвободил руку из-под одежды пленницы и, криво усмехнувшись, что-то пробормотал по-своему и отошёл. Пожилая хазарка, насколько поняла Звенислава, мать воина, присела подле, внимательно оглядела и ощупала её.

– Силик кыз? – спросила она. И видя, что пленница не понимает, объяснила на ломаном славянском: – Эйр, муж, знать? – и для пущей убедительности показала красноречивый жест из пальца, входящего в кольцо.

Звенислава отрицательно покачала головой.

– Яхшы, – довольно кивнула женщина и, принеся что-то в пиале, напоила пленницу.

И сейчас старый купец опять оглядывал её и ощупывал, как лошадь или корову. Наконец старый согласно кивнул и сделал знак отвести девушку к четырём молодым пленницам, которые уже стояли отдельно под присмотром двух крепких угрюмых охранников. Едва она успела одеться, как к ней подбежал младший брат Грозы, глядя затравленным волчонком и сжавшись в комок, стал подле Звениславы, вцепившись в её руку, и охраннику пришлось оттаскивать его силой.

– Я без него никуда не пойду, слышишь, купец! – крикнула, неожиданно наливаясь изнутри яростью, дева. Здоровенный, втрое тяжелее её охранник, не мог сдвинуть хрупкую Звениславу. – Ты слышал, купец, я убью себя, всё равно убью, и ты потеряешь свои деньги, если не возьмёшь моего младшего брата!

Купец сделал знак воину, и тот перестал тянуть строптивую деву. Жидовин не спеша подошёл к полонянке. Её горящий яростью и решимостью взгляд сказал всё опытному торговцу живым товаром. Есть люди, которые громко кричат о своей храбрости или угрожают, но так ли это на деле, всегда видно по очам. Когда-то ещё начинающим работорговцем он не повелел вот такому взору, полному спокойной решительности, и потерял хорошие деньги. Досада до сих пор скребёт изнутри, когда он вспоминает тот случай и какую сумму тогда потерял, хотя уже многократно умножил собственный достаток с тех далёких времён. Теперь он мудр и опытен, и не допускает таких потерь.

– Хорошо, я выкуплю твоего брата, и он будет с тобой. Я стану вас хорошо кормить, но ты мне должна обещать, что ничего с собой не сделаешь, иначе ему будет очень плохо, – на хорошем словенском, но со своим особенным выговором ответил работорговец, владевший также хазарским, греческим и арабским языками, – тех народов, с которыми ему чаще всего приходилось вести торг.

Дюжие хазары-охранцы привели отобранных старым жидовином невольников в его обширное подворье, на глухой задний двор через ворота для скота. Здесь их освободили от пут, усадили за длинный стол, и рабыни, что обслуживали хозяйство, впервые покормили их. Потом мальчиков собрали отдельно, а жён и девиц отдельно. Звенислава забеспокоилась.

– Погодите, но купец обещал, что мы будем с братом вместе! – встревожено воскликнула она.

– Да будете вы вместе, как обещал хозяин, – угрюмо обронила одна из служанок и почему-то опустила очи. – Тихо, Косая идёт!

Пришла старуха, рыхлая и скрюченная. Она с какой-то неприязню и радостной удовлетворённостью одновременно оглядела жён своими выцветшими очами, на одном из которых было бельмо, отчего глаз косил. Шамкая полубеззубым ртом, Косая повелела идти за ней. Она говорила на смеси нескольких языков, но полонянки понимали, чего она требует, и выполняли указания. Тех же, кто мешкал, она стегала небольшой тонкой, как ивовый прут, плёткой. Им снова пришлось раздеться. Теперь уже старуха придирчиво осматривала каждую из пленниц, заставляя иногда приседать, поворачиваться, наклоняться. Вот все пятеро стали ликами к стене из светло-серого известкового камня. Звенислава чувствовала на себе жадные взгляды нескольких охранцев, которые, стоя поодаль, о чём-то переговаривались, гогоча, как жеребцы. Старуха подошла сзади, приказала раздвинуть ноги, ещё шире, потом наклониться. Девица замешкалась под откровенными взглядами охранцев, и тут же получила удар по спине плетью. Дрожа от стыда, она выполнила приказание и вдруг почувствовала, что палец старухи входит в её девичье лоно. От неожиданности она снова дёрнулась и тут же получила по разным местам голого тела несколько хлёстких ударов и порцию грязных злых ругательств на смеси языков. Всё повторилось, теперь она сжала зубы и старалась не двигаться, ей было стыдно, она не могла поднять очи, ещё более ощущая себя несчастным животным. Наконец, им позволили одеться, и, под сальные возгласы охранцев, полонянки побрели за старухой в хлев, где вместо загона для животных были расположены вдоль стен лавки с какими-то брошенным на них тряпьем. Это было место ночлега. От тех же рабынь, прислуживавших в доме работарговца, они узнали, что старуха Косая всегда самолично осматривает всех купленных рабынь и, в первую очередь, отбирает девственниц, ведь на восточных рынках девственницы, особенно из славян, ценятся очень высоко. Значит, их готовят для перепродажи? Как быстро обрушилась жизнь: гордые и свободные жёны и юные девы превращались в скот, который продают. Нет, не скот, а неизмеримо хуже: скоту не ведом стыд и позор, оскорбления и унижения, которым каждая пленница многократно подвергалась каждый день. Многие из них, как и Звенислава, сидя в этом хлеву, в очередной раз думали о спасительной смерти, которая краше невыносимого рабства. «Если не вернут Калинку, то и я не буду более жить!» – твёрдо решила девица. Мальцы и отроки вернулись только через два дня к вечеру. Вернее, их привезли на возах, некоторые были без сознания, иные стонали и металась в горячке. Все, кто ждал их возвращения, почувствовали, что произошло нечто страшное. Дюжие охранцы быстро перетаскали всех отроков в соседний хлев. А вскоре пришла Косая с кучей тряпья.

– Ты и ты, – ткнула она хлыстом в Звениславу и ещё одну женщину, – иди ухаживать, только не давать ни пить, ни есть!

Женщины вошли в полутёмное помещение и сразу бросились к отрокам. Калинка был без сознания, низ его рубахи пропитался кровью.

– Что с тобой, малыш, что с тобой сделали? – В испуге воскликнула девица. Несмело приподняла его длинную рубаху и в ужасе вскрикнула. На мужском месте был кровавый сгусток, прижжённый, очевидно, раскалённым железом.

Оскоплённых мальчиков работарговцы продавали в гаремы арабам, ромеям и прочим богатым вельможам, в качестве охранцев и домашних слуг. Потому здесь, в Кафе, торговцы невольниками и создали специальное заведение, где захваченных детей, а иногда и взрослых

мужей осклопляли или кастрировали по желанию торговцев. Да, это стоило им некоторых денег, поскольку выживали не все, но спрос на кастратов и скопцов очень высок, а значит затраты вернутся сторицей, главное знать, где и каких рабов выгоднее продать. Обычно удалением семенников – кастрацией, или полным удалением мужских членов – осклоплением – занимались жидовины, у которых сие деяние велось издревле. Проживая в полупустынных либо гористых местах, где мало плодородной земли и пропитания, сии народы ограничивали собственную плодovitость кастрацией младших сыновей. С переселением на новые угодья такая необходимость отпала, остался лишь ритуал в виде обрезания крайней плоти. А навыки пригодились для кастрации рабов и животных – разница невелика. Старая жидовинка Косая, что оценивала жён и определяла девственниц, была родственницей торговца и получала от него плату за свою работу. Всё это Звенислава узнала потом, а в те дни диких событий пленения, торга, позора, превращения вольных людей в скот, осклопления маленького Калинки, разум едва не покинул её.

Как-то рано поутру, проходя меж спящих, Звенислава увидела двух совсем молоденьких – её возраста, может, немного постарше девиц, – что лежали, разметавшись, в тёмных лужах. Она даже не вскрикнула, столь привычным стал вид крови и смерти за короткий час полона. Чуть ранее взрослая женщина, мать того самого мальчика, что пытался взобраться на скалу, повесилась на вбитом в стену крюке. От осклопления померли трое отроков. Теперь не выдержали ещё две женских души. Звенислава тронула одну и другую за плечи, обе были холодными. Жизнь покинула тела несчастных вместе с рудой из их разрезанных запястий. Никому ничего не говоря, она в полусне отупления от всего происшедшего побрела дальше. Вскоре поднялся шум и суeta, разъярённый купец, вмиг обретя прыть, метался по хлеву, орал на охоронцев. Двоих схватили, сорвали одежду, отходили плетью до беспамятства и за руки утащили прочь. За пленными с этого дня жёстко усилили надзор.

Наверное, только страх за младшего брата Грозы, даже не страх, которого уже не было, а ответственность за него, помогали ей переживать все ужасы и мерзости неволи.

Звенислава часто хваталась рукой за место подле солнечного сплетения, где у неё раньше висел обережник, отобранный молодым хазарином, который первым ошупал её. Обережник подарила Звениславе мать в дни зрелости, когда Луна впервые источила из неё кровь-руду. Отчего-то это прошло болезненно, мать забеспокоилась и посоветовалась с бабушкой. Та, в свою очередь, велела матери сходить к волхву Хорсовиту и попросить у него женский науз.

Звенислава весьма обрадовалась, когда получила круглый медный медальон с изображением на нём змееногой богини с воздетыми руками. На обратной стороне были выбиты слова: «Храни нутро от чёрной дьны», и две буквы ЗС.

– ЗС – это твоё имя, Звенислава, – пояснила мать. А Берегиня, как сказал волхв Хорсовит – богиня земли и плодородия, хранительница вод, растений и всего сущего, будет всегда охранять тебя от всякой дьны, что есть воплощение нежити и немочи.

Вечером бабушка тоже поговорила с внучкой, рассказав про матицу.

– Внутри каждой жены находится матица, от которой зависит твоё здравие и здравие твоих детей, коих ты родишь из неё. Она размером с кулак и словно лягушка, имеет четыре ноги, состоящие из жил толщиной с порядочный шнурок. Приведённая в беспокойное состояние или «сдвинутая со своего места» родами или чрезмерным усилием при работе, матица охватывает своими руками внутренности человека и производит сильное сжимание, порождающее страшную боль в животе и сильную головную боль.

У мужей в утробе тоже есть своя мужская матица, только находится она не посредине чрева, как у жён, а несколько ниже, и также может сдвинуться от «надрыва живота». Коли неладно у мужа с матицей, то нет детей у семейной пары, коли неладно у жены, то же самое происходит. Оттого такие обережники, их называют ещё змеевиками, носят и мужчины, и женщины. Помни, внучка, что мы всегда пребываем под защитой Великой Матери.

Как теперь не хватало Звениславе материнского обережника! Однако она представляла его мысленно и всегда обращалась к Берегине с просьбой о поддержке и защите. Науз-то был именной, и никому, кроме неё, силу свою передать не мог.

* * *

Купец собирал живой товар расчётливо и тщательно, он был опытен в своём деле и ведал когда, куда и сколько рабов и рабынь следует отправить, чтобы торг был выгоден и скор. Прошло около трёх седмиц, а может чуть более, чувство времени как-то стёрлось для юной полонянки. Калинка, пребывавший от тяжкой горячки на Калиновом мосту, что отделяет мир живых от мира мёртвых, её заботой и мольбами стал возвращаться в явский мир. Понемногу он начал ходить, есть, раны почти затянулись. И вот прошёл слух, что большую часть рабов сегодня увезут. Про то сообщила шёпотом одна из рабынь, что приносили еду. Она сунула быстрым движением кусок лепёшки за пазуху рваной рубашонки Калинки, бросив на ходу: «на дорогу». Звенислава вновь заволновалась не на шутку, а вдруг запаматовал старый жидовин, что обещал их с Калинкой не разлучать? Когда после обеда рабов стали делить на две части, она и вовсе замерла от страха, как дикая косуля под прицелом охотничьего лука. Работорговец с равнодушным усталым видом шёл меж рядов рабов и красивой отделанной перламутром клюкой, на которую опирался при ходьбе, указывал двум дородным стражникам, кого из рабов в какую из двух ватаг определять. Перед Звениславой и мальцом, глядящим большими, полными боли и страха очами, купец остановился на миг дольше, чем перед другими и, встретившись взглядом с девицей, побелевшей от волнения, наконец, сделал знак охоронцу, и их вместе отвели к тем рабам, что столпились с правой руки.

Весь отобранный живой товар повели к морю. После долгого стояния на уже ставшем набирать жаркую силу солнце им повелели взойти по шатким мосткам на две лоды. После погрузки товара, суда вышли из залива и стали удаляться от берега.

– А куда мы плывём? – тихим голосом спросил Калинка. Он впервые в жизни оказался на такой большой лодье и увидел отдаляющийся берег со стороны моря. А Звенислава молчала, потому что сердце зашлось такой тоской и печалью, что она не могла вымолвить ни слова, только крепче прижимала к себе худенькое тельце в рваной и грязной рубашонке и гладила давно нечёсаную голову мальчика. В отличие от него, она остро ощутила, что, может, больше никогда не увидит родной земли, синевы моря за белыми скалами, и никого из родных и близких людей, кроме этого искалеченного ради прихоти и купеческой выгоды юного существа, роднее которого отныне нет никого. Свежий морской ветер охлаждал тело, но не дарил облегчения, дышать стало совсем тяжело, будто крепкими обручами сковало грудь. Она глядела на уходящую вдаль землю, но видела её теперь размытой сквозь пелену горячих слёз. Простое слово «никогда» вдруг предстало во всей своей ясной и страшной сути: ни-ког-да – это значит без единой надежды на когда-нибудь! В очах потемнело, ноги подкосились и, чтобы не рухнуть на настил, она с трудом, медленно села.

– Что с тобой? – сквозь набежавшую на сознание черноту пробились встревоженные детские всхлипы. – Не умирай, только не умирай, я без тебя тоже умру – тихо причитал малец, прижимаясь мокрыми от слёз ланитами к её груди. – Не бросай меня, слышишь, Звенислава...

Сознание медленно возвращалось, полонянка ощутила свежий морской ветер на челе и доверчиво свернувшееся рядом комочком тело Калинки. Берег виднелся слева в сизой дымке, и нигде не было видно второго корабля с рабами.

– Лодья туда ушла, – заметив её ищущий взгляд, указала одна из девиц. «Значит, попади мы на разные суда, – мелькнуло у юной полонянки, – то навсегда удалялись бы теперь друг от друга»...

Их путь в неизвестность был долгим. Плыли на полночь, потом на полуночный восход, а потом и вовсе покинули море, войдя в реку. Вверх по реке взрослые рабы и лодейщики тащили лодью, а потом ещё перетаскивали волоком на катках, пока не спустили в большую и широкую реку. Всё время тяжкой работы кормили их плохо, пленники исхудали, одежда их вовсе изветшала. Но после переволока и спуска на воды необычайно широкой реки всё изменилось. Теперь лодья шла по течению, тащить её не было нужды. Кормить их стали лучше. Рыбы в большой реке было столь много, что рыбаки брали для продажи только лучшую, а остальную выбрасывали обратно, или за сущий бесценок продавали на корм скоту, если случался покупатель. Таким покупателем и стал их купец-жидовин. Отъедаясь на жирной юшке и варёной рыбе, безо всякой работы, пленники быстро приходили в себя, становились справными. На бесчисленных островках и в заводях водилось столько различных птиц, что их стаи затмевали собой солнце, многих тавро-русы видывали впервые. Даже несчастный Калинка ожил и своими синими, округлившимися от удивления очами глядел на эти чудеса и на время забывал о своей горькой участи. После узких рукавов и протоков лодья вновь вырвалась на настоящий морской простор. Когда на едва различимом с правой стороны берегу показались синие горы, старый торговец принялся ещё раз осматривать каждого раба, что-то прикидывая и бормоча на своём языке, и все почувствовали, что это означает скорый конец путешествия в неизвестную землю, от которой рабам вряд ли стоило ожидать чего-то хорошего. Но человек устроен так, что всегда надеется на лучшее. Большинство из них, пройдя через смерть близких, разлуку с родиной, унижение и мерзость неволи, почти примирились со своей участью и теперь мечтали, чтобы тот новый хозяин, который их купит, был лучше и добрее прежнего.

Глава четвёртая Потворник

Лета 876, Киевщина

Ранним утром, спустившись к небольшой реке, волхв Хорыга со своим потворником – крепким отроком лет четырнадцати – прошли к старой деревянной баньке-мовнице, срубленной прямо на берегу, чтобы далеко не таскать воду. А воды требовалось изрядно, поскольку в сей мовнице не только парились сами, но и лечили людей. Пройдя по небольшому мостку, волхв с отроком привычно совершили омовение. Затем отрок взял прислонённое к стенке мовницы бревно в простую сажень длиной и принялся приседать с ним, поднимать, вертеть в руках, наклоняться и подкидывать его вверх. Тут же лежало несколько больших и малых камней для разных управ, которые развивают силу и ловкость. Пять лет тому он мальцом начал делать эти управы вместе с отцом Хорыгой.

Закончив с управками и встретив восход животворящего Солнца, простлавшего по воде золотисто-розовую дорожку, отрок, разоблачившись, легко пробежал по толстому бревну, лежавшему одним концом на берегу и зажатому с двух сторон забитыми в берег кольями, а другим концом на скрещённых жердях, вбитых в песчаное дно. Взмахнув руками и, подобно птице, взвившись в утренний свежий воздух, через мгновение он почти без всплеска вонзился в розовую плоть курящейся туманом реки. Отрок долго плыл под водой, наслаждаясь её тихой и упругой стихией. Потом, с шумом вынырнув среди разлитых по воде багрянцев рождающегося дня, он быстро поплыл, впитывая крепким молодым телом первые лучи восходящего светила и мягкую податливость воды. Вместе с телом мощь воды и солнца наполнила радостью и чаровой силой сердце и самую душу. Оказавшись на берегу, юный потворник несколько раз «поиграл» силой, подаренной ему Водяным и Хорсом, посылая её то от рук к ногам, то из чрева сразу во все конечности и, одевшись, присоединился к учителю. Они заторопились обратно к своей лесной избушке, стоящей на небольшой полянке среди дубов, сосен и диких груш, в сотне шагов от реки.

Здесь, разделив промеж собой нехитрую снедь, волхв и его потворник, что у кудесников значит помощник, владеющий уже целительской наукой настолько, что может сам творить кое-какую волшбу и помогать при лечёбе целителю, принялись за прерванное со вчера дело. Они стали готовить и укладывать в холщовый мешок древние свитки из бересты и кожи, а также связки дощечек, тщательно перекладывая их сухими травами, чтобы ни грызуны, ни древо-точцы не могли причинить урона бесценным письменам. В избушке стоял густой горько-пряный дух пижмы, донника, хвои и иных трав, что отпугивают вредителей.

– Прости отче, но мыслю, зря ты с людьми княжескими повздорил, когда мы в Киев ходили, беду накликаешь недолго, – рассудительно, незаметно для себя подлаживаясь под манеру и голос старого волхва, молвил его основательный ученик.

– Эх, брат Дубок, не можно уже терпеть, когда самую душу древнюю из народа принудительно изымают. Ежели все молчать будут, так и Русь вся под Византину ляжет! – С горечью ответил кудесник, не прекращая работы.

– Добре, что люди нас от княжеских воев защитили, стеной стали, а потом вывели с торжища задворками, иначе могли нас там и прикончить, – озабоченно продолжал Дубок, тщательно оборачивая две связки дощечек чистой холстиной и помещая их в мешок.

– Нет, сыне, они не так глупы, прилюдно казнить не станут, хоть сила у них, да всё одно народа боятся, – заметил волхв, задумчиво глядя на работу своего помощника. – Видишь,

как оно всё не по-божески складывается, – то хазары пришли, народ обирали и били, требуя побольше дани; то Аскольд явился с варягами и нурманами, хазар прогнал, да потом с визанцами сдружился, князя Дира убил, а народ киевский в чужую веру силком тянет. Беда, кругом беда Руси приспела, и нет силы, кому против сей беды народ собрать и направить. Я вот от варягов с Новгородчины ушёл, так они, на тебе, тут объявились, неподобства творят. Ладно бы Аскольд с дружинниками да торговцами сами крестились, то их дело, народ-то почто в веру чужинскую загонять? Кудесников византийских привёз и власть им полную дал. Оттого и не сдержался я. Потому, про всякий случай, письмена древние надо подальше запрятать, чтоб только мы с тобой знали.

– Большую-то часть мы вчера снесли, последняя осталась, – желая хоть чем-то ободрить учителя, молвил Дубок. – Трав бы ещё добавить, – заметил он.

– Слазай на горище над мовницей, там чернобыльник уже должен был высохнуть.

– Добре, отче, я мигом! – и потворник, подхватив суму для трав, вышел из жилища.

«А ведь как повзрослеет, да в силу войдёт, то и вовсе богатырь будет», – с гордостью сам себе проговорил кудесник, глядя вослед крепкой стати ученика. Мысли сами собой вернулись к той их случайной встрече, хотя Хорыга, как и любой волхв, в случайности не верил, но разумел их, как знаки божеские, которые только понять надобно.

* * *

Он проходил тогда по небольшой веси и на околице узрел дерущихся мальцов, лет от девяти до тринадцати. Причём бились четверо против одного, и хоть был тот один уже в кровоподтёках и ссадинах, и ростом поменьше, но, утирая руду из разбитого носа, не сдавался и не убегал прочь. Крепкий как кряж малец упорно сопротивлялся, даже когда его гурьбой свалили наземь.

Рассерженный волхв стукнул оземь своим посохом и так рыкнул на драчунов, что они, как горох, рассыпались в стороны и сторожко замерли у кустов.

– А ну, прекратить свару, хазарские дети! – грозно насупил кудесник брови.

– Мы не хазарские дети, – отвечивал старший, с расцарапанной щекой и подбитым оком.

– Как не хазарские, коли вчетвером на одного навалились, разве неведомо вам, что сие не по праву? – промолвил волхв с такой укоризной в голосе, что мальцы потупились.

– Так он нашего пса забрал и не отдавал, – молвил средний, потирая шишку на лбу.

– Потому забрал, – подал, наконец, голос тот, кого били, с трудом шевеля разбитыми в кровь устами, – что вы в него хотели из лука стрелять.

Будто чуя, что говорят про него, к мальцу подошёл чёрный с рыжими подпалинами на боках щенок с обрывком пеньковой верви на худой шее.

Хорыга спросил мальчика о родителях.

– А тебе-то что? – с некоторым вызовом ответил малец, привлёкши к себе щенка и стараясь ещё дрожащими после схватки руками развязать узел верви.

– Его отец с дерева сорвался, хребет повредил, с ложа не встаёт, – молвил кто-то из недавних соперников.

– А тебя кто за язык дёргает? – явно озлился на него малец и уже опять готов был вступить в драку.

– Ну, будет, будет, – успокоил их волхв. – А не угостит ли меня твоя матушка квасом, что-то в горле пересохло, – обратился он к мальцу. – Как зовут-то тебя, воитель? – спросил старик по дороге.

– Дробком кличут, – нехотя отвечал тот, поглядывая на бездомного щенка, что осторожно трусил рядом со своим отчаянным спасителем.

– Опять что-то утворил? – испуганно всплеснула руками мать, узрев изорванную, в бурых пятнах рубаху, припухшие уста и ссадины на лице сына. А когда следом в дом вошёл незнакомый старец с волховским посохом, то и вовсе обомлела от страха.

– Здрава будь, хозяйка, ничего худого с твоим сыном не стряслось. К тому же он рёк, что такого квасу медового, как его мать делает, я более нигде не испробую.

– Квасу, какого квасу? – растеряно переспросила огнищанка. Потом с явным облегчением махнула крепкой, привыкшей к любому труду рукой. – Так квасу... да, у меня есть. – Она засуетилась с посудой, а потом, сунув в руки сына большую глиняную крынку, велела ему сбегать в погреб.

Когда молчаливый отрок вернулся в дом с крышкой, доверху наполненной холодным квасом, то застал мать сидящей за столом с незнакомцем, они о чём-то негромко беседовали. Воспользовавшись этим, Дробок тихо ускользнул, чтобы умыться в ручье и попробовать отстирать с рубахи кровь-руду, пока она ещё свежа. Но вскоре за ним прибежала младшая сестрёнка и сказала, чтоб он быстро шёл домой. Оказалось, что его случайный избавитель, оставив посох, оглядывает спину отца, который после падения с сосны и удара о корягу потерял силу в ногах и не мог ходить.

– А ну-ка, сыне, придержи отца, вот так, а теперь так, а теперь давай с тобой осторожно его перевернём на бок, вот так, добре, – неспешно приговаривал гость, осматривая хворого.

– После того как Брячеслав упал, мы знахаря позвали, он сказал, что коли начать кости ему править, то может беда случиться, и он вовсе помрёт, – всхлипывая и вытирая очи концом головного повоя, рекла огнищанка. – Два лета уже так лежит. На Дробка теперь столько забот легло, и по хозяйству, и вместо Брячеслава товар купцам в Киев возит, кули тяжёлые им таскает...

– Ничего, хозяйка, всё будет ладно, а сын у тебя не Дробок, а настоящий Дубок! – одобрительно проговорил волхв, ощупывая перстами хребет хворого. – Всё верно ваш знахарь растолковал, – молвил он, – коли чуть ошибётся костоправ, плевра, в которой спинной мозг заключён, повредиться может, и он вытечет, как жир из дырявого кувшина.

Почти седмицу пробыл у огнищан волхв Хорыга. Через день топил Дубок мовницу, но не до удушливой нестерпимой жары, а так, как велел кудесник, в четверть обычного, чтоб у лежащего в мовнице отца появлялись на теле только крупные капли пота, после чего звал кудесника, и тот начинал свою волшбу. Дубок при этом прилежно выполнял всё, что тот ему велел. Поворачивал отца то на спину, то на живот, придерживал его тело там, где говорил Хорыга.

– Давай-ка, пробуй сам, ничего особо хитрого тут нет, – ободряюще говорил отроку старик. – Кладёшь три перста хворому на хребет и ведёшь сверху вниз. Коли какая косточка от общего порядка ушла, ты боковыми перстами почуешь, а коли вдавилась или наоборот выше других торчит, то средний из трёх твоих перстов о том подскажет.

– Так ведь темно в мовнице, видно плохо, – нерешительно возражал отрок.

– А тебе видеть и не надо, ты перстами чують должен да сердцем своим. Персты-то научить чувствительности можно, для того особые управы есть, а вот сердцем зреть сложнее, дар божий нужен, который тоже, конечно, растить и холить надобно каждодневным трудом. А у тебя сердце доброе, к тому ж хворый – отец твой, так что всё у тебя получится, – уверял кудесник.

– Вот тут, ниже лопаток, кажись, одесную ушла кость, – не совсем уверенно молвил отрок. – А тут, ого, одна торчит выше всех в ряду, а эта вниз ушла в тело, будто решила за соседними спрятаться...

– Верно, молодца, будет толк у тебя в волшбе, будет! – довольно и, как показалось, с облегчением, молвил кудесник.

– А как исцелить сии сдвиги, как, скажем, вытащить ту косточку хребтовую, что под другие почти спряталась?

– А вот это мы сейчас и будем сотворять, только помалу и со всем тщанием, – и кудесник с каким-то еле заметным трепетанием перстов, похожим на мелкую дрожь, принимался ладить косточки.

Через седмицу бортник встал и, опираясь на сына и волхва, проковылял первые несколько шагов своими непослушными ещё ногами. Жена плакала от радости, привычно утирая слёзы краем повоя.

– Ну вот, брат Брячеслав, будешь через месяц-другой снова по деревьям лазать, только вдругорядь будь осторожен и спину крепи управами, какие я тебе показал, – наставлял бортника кудесник.

– Отче Хорыга, реки, чем могу я отплатить тебе за чудо свершённое, ведь мои ноги есть жизнь и благополучие всей семьи, – дрожащим от волнения голосом вопрошал огнищанин, опираясь на выструганные сыном берёзовые рогатины.

– Я силою Хорса и Дажьбога исцеление творю, а разве за свет солнечный мы платить кому-то обязаны? Богам нашим понимание да уважение нужно, как и любому родителю. Чтить богов, силу и жизнь нам даровавших, жить достойно, чистотой тела и души к ним приближаясь, – в том и вся плата, брат Брячеслав, – похлопал по широким плечам бортника волхв. Потом взглянул на Дробка, которого называл Дубком, и молвил растроганному огнищанину. – А из сына твоего знатный костоправ выйдет, да и не только костоправ, коли учиться будет.

– То доброе дело, людей на ноги ставить, – согласно кивнул головой отец, – только кто же его в ученье возьмёт?

– Так я и возьму, – ответил кудесник, – коль родители согласны.

– А я не хочу костоправом быть! – Упрямо насупившись, молвил отрок. – Я воином буду, драться у меня лучше других получается, даже ребят старше себя поколотить могу, я сильный!

– Верно речёшь, – молвил Хорыга, – только тебе, кроме силы воинской, ещё и силу кудесную боги даровали, сердце чуткое да помыслы чистые. Какая стезя более подойдёт, тебе самому решать, однако её опробовать надо. Да и в воинском деле, кто ж руду кровь соратнику остановит, рану затворит, кость сломанную сложит, чтоб правильно срослась, кто выбитый сустав на место поставит, кто на ворога морок наведёт, чтоб дать сотоварищам уйти в трудный час? Только тот, брат Дубок, кто волховскую науку усвоил, то-то же. А воинские управы я сам люблю и по возможности их сотворяю.

Малец недоверчиво глянул на Хорыгу: разве может кудесник быть воином?

Видя его сомнения, Хорыга подошёл ближе и предложил толкнуть себя. Дробок усмехнулся и толкнул старика, но не шибко, как бы жалея его. Кудесник даже не шелохнулся. Тогда Дробок толкнул сильнее, – старик остался стоять, как ни в чём не бывало, зато Дробка отбросило на шаг неведомой силой. Малец осерчал, и, уже не обращая ни на кого внимания, напустился на Хорыгу как молодой упрямый бычок, но...отлетел назад, зацепился за корневище и едва не упал.

– А теперь я тебя легонько толкну, держись! – спокойно молвил Хорыга и безо всякого напряжения едва коснулся перстами Дробка, которого тут же отбросило так, что на этот раз он на ногах не удержался и растянулся на траве.

Тогда и услышал слова волхва, которые запомнил навсегда: «Твоя слабость в твоей силе, сынок».

Вначале он не понял, как может быть слабостью сила, которая его столько раз выручала.

– Как же так, отче, что же я – зря столько времени свою силу растил, выходит, нет нужды тело укреплять?! – совсем сбитый с толку воскликнул ученик.

– Отчего же зря, тело, как и разум, нам богами даны, и мы о них заботиться должны. Мало добрую свирель иметь, надобно ещё и играть на ней научиться, иначе от самой лучшей

никакого проку ни тебе, ни людям не будет. Мышцы завсегда с разумом, да ещё и с душой твоей в ладу должны быть.

Малец растерянно перевёл взор на отца, который, глядя на сие действо, впервые рассмеялся.

– Ступай с волхвом, сынок, – молвил Брючеслав. – Я теперь с новой силой за дела прежние возьмусь, чую, как она прибывает во мне, будто вода вешняя. А тебе учиться надобно, глядишь, и нужным всем человеком станешь, порадуешь и нас, и богов светлых.

Вот так неожиданно-негаданно появился у волхва Хорыги ученик, – крепкий да ладный, немногословный, с доброй открытой душой и чутким сердцем. И принялся отец Хорыга бережно записывать на той чистой поверхности, как на белой бересте, древние знания, хранящие душу и память Руси.

* * *

Скрипнувшая дверь вернула волхва из марева воспоминаний. Дубок выложил на стол серебристые стебли чернобыльника, и новая волна крепкого травяного духа разнеслась по жилищу. Юноша принялся добавлять принесённую траву в мешок с дощечками, и тут оба услышали стрекотанье сороки. Ей ответила другая, защебетали прочие птицы.

– Никак, идёт кто? – встревожился Хорыга.

Волхв с учеником вышли из избушки и сразу узрели на узкой лесной просеке воз, запряжённый одной лошадью, и двоих людей в огнищанской одежде, идущих подле. На возу недвижно лежал человек.

– Хворого везут, – озабоченно молвил отец Хорыга.

Они подождали, пока подъедут огнищане. Поздоровавшись, кудесник первым делом подошёл к хворому, вполуха слушая жалобные просьбы его родичей о помощи. Бледный желтоватый лик, закрытые очи и прерывистое дыхание сразу указали на тяжкий случай.

– Вот что, не снимайте его пока с телеги, повезём прямо в мовницу, – принялся распоряжаться кудесник. – А ты, Дубок, – повернулся он к ученику, – ступай по нашим делам.

– Так если хворый тяжкий, может, мне остаться помогать тебе, отче?

– Ничего, я справлюсь, тут целых два помощника, всё сделают. – А ты иди, сынок, иди. – И кудесник заторопился к огнищанам. Дубок вернулся в избушку, уложил последнюю деревянную книгу в мешок, вскинул его за спину, поправил лямку на плече и углубился в лес.

* * *

– Вот зачем волхву крепкие ноги да сильные плечи, очень пригождаются иногда, – вслух проговорил отрок, садясь под старым дубом на его корневище, торчащее узлом из земли, и смирив дыхание, сбившееся от бега и быстрой ходьбы по малохоженным тропам. – Всё, нужно идти, немного уже осталось! Нужно скорее упрятать книги в тайник, а потом идти на помощь старому волхву, он ведь обычно после лечёбы тяжёлого хворого едва на ногах стоит. – Отрок, с трудом разогнув уставшие ноги, поднялся, поправил мешок за спиной и двинулся дальше.

Вот и тайное место. Удостоверившись, что всё ладно, отрок убрал сухие жердины и проскользнул в схрон. Бережно переложил свою ношу на полку из жердей и, бегло проверив, в порядке ли остальные свитки и дошки, щедро посыпал полки принесёнными вместе с книгами сухими душистыми травами. «Добре, теперь ни древоточцы, ни грызуны долго сюда не пожалуют!» Выйдя наружу, опять замаскировал вход в пещеру, незаметный среди кустарника и редкого сухостоя. Для верности свершил над тайником заклятье, чтобы никто чужой не смог сюда войти.

Теперь поскорей назад. Но едва юноша отошёл на десяток шагов, как услышал то, чего никак не ожидал. Может, почудилось? Нет, в самом деле, его острый слух различил среди шума деревьев и птичьего щебета собачий лай. Это ещё что за чудо, тут волки ходят, а собака откуда?

Нехорошее предчувствие остро пронзило тело.

Может, охотник какой поблизости с собакой бродит? – ещё сомневался разум. Но подсознательное чутьё уже знало: собака идёт именно по его следу. Отрок бросился бежать, стараясь уйти подальше от бесценного схрона.

«Коли собаку по твою душу пустили, то оплошал ты, Дубок, надо было следы особой травой присыпать, что нюх собаке отбивает, а теперь-то что делать?» – горько укорял себя отрок, лихорадочно соображая на бегу. Как ни торопился, а собака быстрее, уже совсем близко слышен остервенелый лай и хриплое рычание. Ещё миг – и раззадоренный погоней пёс ухватит сзади за ногу... Дубок на ходу мельком глянул на руки: его силе всегда дивились, и даже трём сверстникам нелегко было сладить с ним одним, а уж собаку... «Твоя слабость в силе, – вдруг прозвучали слова Хорыги. – Волховская мощь в разуме, а не в кулаках»...

Всё произошло неожиданно даже для самого отрока. Он высоко подпрыгнул, как кузнец, и вместо ноги беглеца пасть крупного лохматого пса «схватила» воздух, громко щёлкнув зубами. В тот же миг перед изумлённым животным возникло огромное неведомое существо, – тёмно-коричневое, чешуйчатое, с влажной разинутой пастью, полной страшных загнутых жёлтых зубов. Чудище злобно зарычало, воздев две когтистых лапы, и бедная псина всем своим чутьём уловила мысль ужасного зверя разорвать её на куски, первым делом перекусив огромными челюстями хребет, как рыбу косточку...

Отрок, сам не ожидавший такого исхода дела, увидел лишь, как лохматая живая молния мелькнула и пропала в зарослях. Только визг её, похожий больше на истощный человеческий вопль, продолжал разноситься окрест, постепенно затухая в лесных зарослях. Теперь нужно приготовиться к встрече тех, кто идёт за ищейкой. Отрок, оглядевшись, подошёл к разлапистой сосне и тесно прислонился к ней спиной.

* * *

Три мужа шли по едва различимой звериной тропе, придирчиво оглядывая каждую сло-манную ветку.

– Сколько живу на свете, – растерянно рёк один с заметным нурманским выговором, – но не видел, чтоб собака могла так быстро бегать, пронеслась мимо нас, едва с ног не сшибла!

– Хазарка явно не в себе, визжит, будто кто его беспрестанно стегает плетью-семихвосткой, – отозвался молодой.

– Недоброе дело задумал князь, с волхвами воевать, ох, недоброе. Никого мы не сыщем, ещё и сами, как наш пёс, умом тронемся, истинно вам реку... – негромко ворчал пожилой воин, явно из киян. – Всё, далее никаких следов нет, – остановился он. – Будто сквозь землю сей отрок провалился или в камень обернулся.

– Лишь бы он нас в камень не обернул, – с опаской молвил молодой и, на всякий случай, трижды перекрестился, оглядываясь по сторонам и держа наготове небольшой лук. Его сотоварищи тоже сторожко оглядывались вокруг, сжимая в руках, один – боевой топор, а другой кинжал.

– Что-то тяжело мне, в голове давит и в чреве как-то нехорошо, – молвил старший.

– А мне чудится, будто кто глядит пристально, словно буравит очами. Уходить надо, – зашептал молодой и отступил назад на несколько шагов. – Недобро тут, ой, недобро!

Вслед за ним попятились, не выпуская из рук оружия, и двое его сотоварищей.

– А что Зигурду скажем? Он нас плетью выпорот за то, что наказ не исполнили, – засомневался нурман.

– Да за что пороть-то, ну пропал отрок, лес большой, а Хазарка сбёг, – зачастил молодой.
– Этот тоже колдун небось, хоть и малой ещё, ну его к лешему! – выдохнул киянин. –

Пошли!

И они с видимым облегчением устремились в обратный путь, сторожко озираясь по сторонам.

Ученик волхва разрешил, наконец, себе вспомнить, что он не сосна с шероховатой, тёплой от солнечных лучей корой, а человек, медленно возвращаясь в свой привычный облик. Вот он отделился от ствола старой сосны, что возвышалась напротив большого плоского камня, на котором ещё недавно стояли трое воинов. Медленно опустился на траву, одеревенение тела сменилось слабостью. Всё-таки второй образ за короткое время – это трудно. Пошевелил пальцами, прислушался к себе и одновременно звукам вокруг, от пальцев ног по всему телу к пальцам рук прогнал невидимую волну, настраивая тело на звуки леса. Погоняв туда-сюда волну по телу, встал, сильнее пустил волну из чрева, уже видимую, прошёлся ею по рукам, ногам и хребту. Одеревенение ушло, и он опять стал прежним собой. Вынул из дупла свою рубаху, положенную туда, прежде чем «стать деревом», накинул её плавным волнообразным движением, и неслышным кошачьим шагом направился вослед ушедшим. Движения его ускорялись как бы сами собой, и вот он уже перешёл на лёгкий почти неслышный бег, уклоняясь на ходу от ветвей, перепрыгивая через корневища, проскальзывая ужом сквозь кустарник, как бегали они с отцом Хорыгой, когда вместе занимались воинскими упражнениями.

«Откуда в лесу взялись воины, да ещё с ищейкой? – Мучила тревожная мысль. «Недоброе дело задумал князь, с волхвами воевать...» – не выходили из головы слова одного из них. «С волхвами воевать... воевать... Скорее, скорее назад!» – билось в висках юного потворника.

* * *

Согнувшись под дверным косяком старой, будто вросшей в берег мовницы, Хорыга вышел и обессилено уселся на выступающее из сруба бревно со стёсанным – для удобства сидения – верхом. Внутри ещё всё трепетало после тяжкой лечёбы, слегка подташнивало, голова гудела, что медное било, а в коленях ощущалась противная слабость. Целитель встал, держась за сруб десницей, потом медленно побрёл к реке, протекавшей в нескольких шагах. Умывшись, почувствовал себя немного лучше, но противная слабость осталась в членах. Родичи хворого уже сустились вокруг него, под руки выводя из узкой и низкой двери мовницы.

На выступающее бревно-скамью огнищане поставили узел с едой и одеждой в благодарность за излечение, но Хорыга только рукой махнул и предупредил, чтобы хворый ничего не ел три дня, только пил, а потом осторожно начинал с малого, сдерживая желание наесться.

– Помните, коли нарушите, что сказано, болезнь может вернуться! – строго рёк им на прощанье волхв, усаживаясь на бревно рядом с оставленными дарами.

Вот уже и скрипучий звук воза затих в лесу. Хорыга, уйдя в себя, принялся, как обычно после трудного лечения, «чистить» своё тело, постепенно проходя по нему, как по своей лесной избушке: выметая сор, пыль и липкую грязь чужой хвори и немощи. А как же иначе, – только восприняв чужую хворь, как свою, можно всецело понять её и справиться с ней. Только тяжело что-то нынче, никак не удаётся изгнать немощь. Жаждущему отдыха разуму не даёт покоя какая-то неясная тревога, пробивающаяся извне, будто холодный сквозняк сквозь частые щели в худую избу.

Того, что ринулся на него с топором из-за угла мовницы, кудесник едва успел привычным выплеском силы из чрева, пропущенной через руку, отвести чуток в сторону, развернуть вкруг и перехватить топор другой рукой. Далее уже действовал, как обычный воин, – силы волховской у него осталось слишком мало. Ногой толкнул стоявшее под стеной мовницы бревно, чтобы перекрыть путь второму воину, а третьего встретил молниеносным взмахом

топора. Продолжая движение по дуге, сразил своим оружием того, который споткнулся о брошенное бревно, с удивлением узнав в нём недавнего «родственника хворого». На долю мига замешкавшись, Хорыга повернулся к тому, у кого отнял топор, и тут почуял, как под левую лопатку остро и глубоко вошло жало сулицы. Руки кудесника ослабели, удар топора по плечу он уже ощутил тупо, как будто секли совсем не его тело. Последней догадкой, когда уже отделялся от своего распростёртого на траве тела, был ясно возникший образ, как помощник Аскольда повелевает своему человеку найти тяжёлого больного и свезти его к дерзкому волхву по имени Хорыга...

* * *

Тропа разделилась. Потворник заколебался на мгновение, – разум твердил, что надо идти к избышке, ведь лечёба уже закончена, и кудесник, наверное, отдыхает; а ноги сами несли в противоположную сторону. Дубок со всех ног помчался к реке, словно боясь опоздать.

Он выбежал к мовнице на берегу и первое, что увидел около старого сруба – это недвижно распростёртое тело отца Хорыги. Дальше лежали ещё двое мёртвых – один в огнищанской одежде. Слезы сами собой хлынули из очей отрока. Он бросился к учителю. В груди старого волхва зияла рубленая рана, правое плечо и бок тоже были изрублены, рядом лежал топор, а земля вокруг была истоптана и щедро обогрена кровью. Кровь была и на бревне, которое Дубок использовал в воинских управах. Обычно оно было прислонено к стене мовницы так, чтобы на него не попадал дождь.

– Вот и подручный старого колдуна вернулся, а то бегай за ним по лесам, – услышал сзади себя издевательски-довольный голос отрок и, обернувшись, в расплывчатом тумане слёз, в нескольких шагах перед собой узрел тех троих, что шли за ним по следу. Тут же из-за мовницы выехали два незамеченных им ранее всадника.

Горе от потери родного человека и порождённая им ярость выплеснулись в отчаянный, похожий на вой ночного зверя крик. Способность действовать телом быстрее, чем мыслью, снова спасла потворника. Он гибкой волной простёрся над истоптанной землёй, подхватил своё бревно и, не останавливая движения, бросил в стоящего одесную усатого, который едва успел уклониться от необычного «метательного орудия» и выставить свой кинжал. Но Дубок неожиданно для воина прыгнул не на него, а в сторону, и, выбросив вперёд обе руки, «рыбкой» пролетел под брюхом коня, на котором подскочил один из воинов, и, коснувшись травы, живым клубком покатился по ней. Испуганный конь прыгнул вбок, а юноша помчался по берегу реки, которая благодаря старой, но ещё достаточно прочной деревянной плотине, видимо построенной бобрами, разливалась здесь, образуя озеро. Всадники с воинами ринулись вдогонку, молодой выстрелил из лука, но ученик волхва успел пробежать по бревну, что одним концом покоилось на берегу, а другим – на козелке из жердей, образуя мосток, и, снова выбросив руки вперёд, нырнул в воду. Воины остановились. Подбежавший молодой быстро извлёк и вложил в тетиву лука вторую стрелу, приготовившись к стрельбе, как только в воде появится голова отчаянного беглеца. Но мгновенья пролетали, а отрок всё не появлялся.

– Куда он подевался, может, утоп? – озадаченно спросил один из воинов.

В это время показались трое всадников во главе с десятником, – они возвращались от избышки волхва, в которой производили сыск.

Воины рассказали ему про молодого колдуна, который вернулся, а потом, видно, от горя утопился.

– Ладно, скоро стемнеет, в Киев пора возвращаться, – озабоченно молвил десятник. – Про отрока сего никому ни слова. Нам велено было старого чародея кончить, про молодого разговора не было, а небыль, как говорится, на быль не повесишь. Добро ещё, Зигурд озаботился, чтоб тяжёлого больного привезти, при лечении таких колдуны на время силу свою теряют.

– Ага, коли он в немощи двоих добрых воев порешил, то что бы с нами сотворил, будь в силе своей колдовской, – с опаской в голосе молвил пожилой воин с киевским выговором.

– Всё, быстрее отсюда! Надо засветло из этого проклятого леса выйти. Вы трое, – десятник указал на тех, что шли по следу отрока, – заберёте Будилу и Иггельда, в Киев доставим, они по христианскому обряду схоронены должны быть.

– А волхва, может, тоже утопим? – предложил кто-то.

– Ещё возиться с ним, – фыркнул десятник. – И так звери сожрут. Только амулет колдовской с него снимите, Зигурду передадим.

* * *

Дубок сразу пронырнул, как делал каждое утро при омовении, к плотине и вынырнул в бывшей бобровой хатке. Сквозь сплетение сучьев и ветвей он наблюдал за убийцами, слушал их речи, пока они не покинули берег реки. Без единого всплеска переплыл отрок снова к мостку, взобрался на него, чутко ловя все привычные звуки родного леса. Сейчас он выкрутит порты и рубаху и пойдёт вслед за убийцами отца Хорыги. Они должны непременно поплатиться за то, что свершили. Как бы в раздумье он дважды вынул и вновь вставил в ножны свой нож, с которым почти никогда не расставался, – то гриб срезать, чтобы не повредить грибницу, то корень выкопать, то бересту добрую для туеска или для писания добыть, – много для чего в лесной жизни нож необходим. Но теперь для него есть задача, которую Дубок ещё никогда не совершал в своей жизни. Как лучше поступить? Навести на убийц оману и заставить их бродить до утра кругами по ночному лесу, подкрадываясь и убивая по одному? Он это сможет, и убить без единого звука, даже если нет оружия, он тоже, наверное, в состоянии, ведь одними и теми же волнами-трепетам можно излечить человека, а можно и убить. Потом вернуться и схоронить отца Хорыгу, или сжечь на великом кострище, как правильной?

– Отче, я сейчас пойду и покараю твоих убийц... – тихо прошептал отрок.

– Ни обо мне, и ни о себе ты думать не должен, а о книгах бесценных, о мудрости, волхвами многие века сберегаемой мыслить обязан, вот о чём! – вдруг будто в яви услышал он голос старого Хорыги. – Дороже наших жизней те знания, что заключены в древних книгах и свитках. Они суть – связующая нить тысячелетней мудрости волховской. Теперь только ты один о них ведаешь и можешь людям передать. А с убийцами Дивы лесные разберутся, их жалкие жизни не стоят и одного листка тех бесценных письмен...

Потворник замер: не услышит ли он ещё голоса наставника из Нави. Но всё было тихо, только ночные птицы подавали свои голоса или шуршали лесные обитатели в травах и кустах. И вдруг перед затуманенным взором привиделось, как утром из ближней веси приходит женщина с корзинкой и застаёт отца Хорыгу мёртвым. Забыв о корзинке с дарами, она с плачем бежит обратно, потом приходят люди, и с почестями сжигают тело старого волхва на большом кострище.

– Уразумел, отче, прости за необдуманное, – снова прошептал потворник и бесшумным шагом двинулся вдоль плотины. Пройдя её, в зарослях рогоза в сгустившейся темноте не сразу отыскал малую лодчонку. Загребая небольшим веслом, он поплыл по течению, чтобы избежать возможности новой встречи с княжескими воинами.

Таврика

С самого пробуждения день был каким-то особенным. Гроза проснулся, как всегда, на рассвете, но шевелиться не хотелось, тело было ещё расслаблено и пребывало там, в ночных грёзах. Во сне он снова видел дом, родителей, братьев и сестёр. Они с Калинкой, как в детстве, играли в прятки, и младший смеялся залиvisto и счастливо. Потом появилась Звенислава и

почему-то, как мать, молча гладила его по голове. И от этого присутствия и прикосновения на душе было так хорошо, до дрожи, что на очах выступили слёзы, хотелось подольше растянуть эти мгновения до пробуждения в явь. Пастух поворочался на своём ложе из травы, выпростался из-под бараньих шкур и услышал первые голоса птиц, уже начавших приветствовать божественное светило, дарующее жизнь всем, – от мелкой, почти невидимой глазу букашки, до огромных деревьев, как тот Священный Дуб, который срубил греческий философ Иллар.

Открыв очи, Гроза узрел первые лучи солнца, пробившиеся сквозь утренний туман и редкую крону сосны, под которой он ночевал. Может, благодаря чудному сну, сегодня все чувства были обострены, и пробуждающийся божий мир ощущался как-то по-особому ярко и зримо. Первой птицей, которую он увидел в небе прямо над собой, был огромный ворон. Гроза не знал, тот ли это старый знакомый, который жил близ их селения, или другой, но такой же вещий и мудрый.

– Здрав будь, старина, что ты решил мне поведать, коль явился первым? Может, смерть близко ходит, что ж, благодарствую за напоминание, буду осторожен, мне пока помирать никак нельзя.

Пастух потянул в себя свежий горный воздух, ощущая, как чистой струёй потёк он по телу от головы до кончиков пальцев, насыщая каждую клеточку благодатной силой жизни. Одновременно он чуял, как то же самое происходит вокруг: как солнечные лучи будят и насыщают каждую травинку, согревают поверхность молчаливых камней и стволы тысячелетних можжевельников, и они раскрываются навстречу новому дню. Искривлённая сосна, предоставившая ему ночное убежище, цепко ухватившаяся корнями за каменные расщелины, тоже вдохнула этот живой свет и заискрилась на солнце капельками смолы.

Гроза снова прикрыл очи, чтобы во вздохе единого пробуждения теснее слиться с сосной, камнями, клубами тающего утреннего тумана, просыпающимися птицами и зверями. Сегодня у него это получилось очень здорово, давно так не было! Он почувствовал себя огромным и невесомым, частицей одновременно всего сущего. И услышал, как где-то вдалеке по его каменной груди, пугая чутких птиц и животных, движется отряд верховых, как сторожко идут всадники, озираясь по сторонам. Этот путь опасен, но короток, и жители долины обычно не ожидают нападения со стороны гор.

Ощущение было кратким, но явственным, как и нынешний сон. Сердце Грозы забилось одновременно в радостном и тревожном предчувствии. Кажется, сегодня будет охота! С самого первого мгновения тело стало двигаться мягко и плавно, в единой волне с просыпающимися горами.

Они появились оттуда, откуда он ожидал. Гроза ящерицей прополз по каменным глыбам, проверяя, всё ли ладно с западней и не улетели ли вниз приготовленные к обрушению камни. Ворон ещё раз «прошёлся» над ущельем со своим неторопливым, похожим на хриплый человеческий голос «кар-кар-кар». Он тоже ждал удачной охоты, ведь тогда можно полакомиться самым сладким, – человеческими очами.

Как долго они не появлялись, или выбирали другую тропу, и вот, наконец, боги сделали так, чтобы они пришли! Гроза почти нежно погладил берестяную оплётку лука и бережно положил его на большом плоском камне, а рядом колчан со стрелами. Бесценная добыча досталась ему в бою. Как сей настоящий многослойный, проклеенный рыбьим клеем и обёрнутый берестой русский лук оказался у хазар, он не ведал, но обрадовался ему, как подарку небес! Весьма дальнобойный, не боящийся сырости пещер и утренних туманов, с прочной кожаной плетёной тетивой, сработанной по особой древней манере, с долгим вытягиванием, намачиванием, сушкой да пропиткой. О таком луке когда-то рассказывал наставник по воинской здраве Вергун. И вот теперь сей лук стал основным оружием Грозы.

Жажда мести и стремление узнать о судьбе близких были той единственной силой, что уже несколько лет понуждала его жить в пещерах, переносить зимние холода и летний зной,

устанавливать засады и терпеливо ждать появления врага. Иногда он подряжался пасти овец, или помогал отогнать их на торжище. Брался доить овец и делать брынзу. Но что бы он ни делал, страшная жажда, высушивающая изнутри душу, не покидала Грозу ни днём, ни ночью. И он опять уходил в горы, где жил только для того, чтобы найти и покарать.

Сегодня везучий день, они опять пришли! Гроза замер на верхнем карнизе, чтоб даже дыханием не выдать себя.

Вот отряд поравнялся с завалом, который надлежало обрушить первым, – ещё чуток, ещё шагов пять до отмеченного места, и вот он – главный миг, пора!

Но... вложенный в завал обломок сосны отчего-то никак не освобождался, видно его сильно сдавило, скорее... Первые три конника уже проехали место, где их должны были настичь камни, ну же!... Он дёргал, пытался расшатать обрубок сосны, – всё бесполезно, ствол дерева будто сросся с огромными валунами и не поддавался слабым человеческим усилиям. В отчаянии Гроза набросил на него хазарский волосяной аркан и, упёршись ногами в огромный камень, потянул на себя, побелев от натуги так, что перед очами заплескали цветные пятна, сокрыв на миг солнечный свет. Сосна, наконец, поддалась, и камни с грохотом устремились вниз на тропу. Поздно, слишком поздно, большая часть отряда уже прошла! Теперь скорее, ко второму подготовленному складу, чтобы хоть оставшиеся хазары не успели уйти!

Гроза метнулся к другой куче камней, здесь всё получилось быстро. Двое из повернувшихся обратно к входу в ущелье всадников угодили под обвал, остальные растеряно сгруппировались между двумя камнепадами, самые сообразительные, спешившись, попытались перевести коней через завалы под уздцы. Вот тут и пришёл черёд боевого лука. Гроза успел снять стрелой одного, двое же устремились к завалу, стараясь укрываться за камнями. Теперь попасть в них было сложнее, ещё немного – и они пройдут завал. Одному из них это уже удалось, и он, вскочив на коня, бросился прочь по тропе. Из двух стрел, пущенных в последнего хазарина, одна прошла мимо, а вторая поразила коня. Конь рванулся, заплескал на месте, оступился и, поскользнувшись, придавил к каменной глыбе ногу седока. Когда хазарин всё-таки выбрался, Гроза вскинул лук, но, подумав, опустил его, потому что хазарский воин не стал перебираться через завал, как сделал его сотоварищ, а прильнул спиной к скале, а потом полез вверх и вправо, чтобы всё время быть закрытым от прицельного выстрела телом выступающей части скалы.

Пастух, прихватив аркан, заторопился к тому месту, куда должен был вылезти хазарин. Конники-то они хорошие, а вот по горам лазать не обучены. Гроза бежал, стараясь не оступиться на округлых камнях, не сильно расслаблять и в то же время не напрягать излишне ноги, как бегают животные. Переводя дыхание, он прильнул к нагретому боку горы, ожидая, когда появится враг. Но хазарин всё не появлялся. Подойдя к краю, осторожно глянул вниз и увидел вражеского воина лежащим внизу на камнях. Пригляделся: кажется, живой. Перевернулся и сел, – значит, сорвался с небольшой высоты, но никуда не убегает, скорее, пока он оглушён!

Когда пастух спустился к хазарину, тот выхватил из ножен большой кинжал.

– Не подхатить, моя твоя резать! – Прокричал хазарин, затравленно вращая очами. Гроза остановился в нескольких шагах, внимательно глядя на противника. Голова и руки, да и стан хазарина двигались, а ноги лежали, как-то странно вывернувшись, и даже не шелохнулись.

– Понятно, значит, хребет сломан, – проговорил пастух. – Не воин ты более...

Хазарин меж тем то с трудом открывал очи, то снова их закрывал, будто его настигал неодолимый сон. Гроза уселся на камень в нескольких шагах. Он кое-что уже знал по-хазарски и по-гречески, потому что на торжище приходилось объясняться со стражей, конными разъездами, да и овец часто покупали у него те же хазары и греки. Хазарин же, судя по словам, тоже немного говорил, а ещё более понимал речь русов.

– Ты кто? – спросил хазарин.

– Я тот, кто убил твоих товарищей, – устало ответил Гроза.

– Большинство наших ушли, и больше никогда не пойдут этой короткой дорогой, – сузив очи от ненависти и боли в спине, проговорил сквозь зубы хазарин.

– Ничего, я встречу их в другом месте, кроме гор есть ещё леса, есть ночные тропы, есть дороги у моря, я найду, где их встретить.

– Зачем ты это делаешь, кто тебе платит? – начиная чаще дышать и покрываясь испариной, проговорил хазарин.

– В лето, когда греки срубили Великий Дуб, вы, хазары, напали на наше поселение, что находилось рядом, убили моих односельчан и похитили мою девушку и моего брата. Я хочу найти тех, кто это сделал, я хочу знать, куда их продали. Я всегда при удачной охоте стараюсь оставить в живых одного вашего воина, чтобы спросить, где он был в то лето, и знает ли что о моём брате и девушке, но не всегда удаётся пленить живого... – тавро-рус замолчал, глядя куда-то вдаль.

– Я был там в то лето, – ответил хазарин, который, видимо, понял, что жить ему осталось немного. Ему вспомнилось, как в наказание за то, что в одном из походов два нукера взяли много золота и утаили от старшего, он приказал перед всеми сломать обоим хребты и бросить подыхать в степи, как лёгкую добычу шакалам да степным грифам. Они тогда, тоже сильные и злые воины, беспомощно стонали и просили добить их, но старший не разрешил это сделать и сам стоял подле, пока весь отряд не проехал мимо. И лишь тогда, пнув каждого из брошенных, он вскочил на коня и поехал прочь. Всё это разом предстало перед хазарским воином, он понял, что его конец близок. Как бы в подтверждение над ущельем пролетел огромный ворон и громко каркнул.

– Я понимаю, что скоро умру, и могу рассказать тебе всё, что знаю, – проговорил хазарин. – Ты воин, и месть горит в твоих глазах. Я расскажу, если ты добьёшь меня. Услуга за услугу... – его побледневшие уста выдавили подобие ухмылки.

– Хорошо, я добью тебя, – пообещал Гроза. – Слово руса.

Хазарин некоторое время собирался с силами, а может, вспоминал, и наконец, заговорил.

– Мы тогда тоже пришли этой короткой дорогой, прошли через долину, где рос тот огромный дуб, старый, как мир, и ворвались в селение. Мне повезло, я заарканил красивую молодую девушку. До сих пор помню её белую с красным одежду и косу с красной лентой. А ещё на ней было вот это... – хазарин снял с шеи и бросил к ногам пастуха медный медальон. – Он не спас меня, похоже, чужие духи рассердились...

Гроза поднял, и руки его дрогнули. Это был обережник Звениславы, который ей подарила мать. Вот и две знакомые буквы ЗС.

Пастуху стало трудно дышать, потом в его очах мелькнули молнии, и он едва не бросился на хазарина, но каким-то чудом сдержал себя и прикрыл очи, переносясь мыслями в тот страшный день.

– Когда мы возвращались, какой-то старик стал сбрасывать сверху камни, и мы потеряли время на то, чтобы достать его стрелами, из-за этого нас догнали и отбили часть добычи...

– Что ты сделал с той девушкой? – не открывая очей, спросил с великим усилием пастух.

– Она действительно была кыз, девушкой, а это хороший, дорогой товар, гораздо ценнее, чем женщина. Купец, хромой Авдим, тогда заплатил мне хорошие деньги, я целый месяц мог не ходить за добычей и есть вдоволь мяса.

– А отрок?

– За отрока точно не знаю, в том походе мы добыли несколько мальцов. Один был убит при попытке сбежать. Кыз потребовала у Хромого Авдима, чтобы он продал её вместе с одним малым, сказала купцу, что иначе убьёт себя.

– И что же купец? – прохрипел, находясь, словно в полу сознание, Гроза.

– Он согласился, но как там было дальше, знает только Хромой...

– Что ж за племя вы такое, хазары, грабите и убиваете людей, что трудятся на своей земле?! Крадёте жён и детей, продаёте их торговцам, которые несказанно богатеют на этом, а сами живёте жалкой несчастной жизнью, беднее любого нашего огнищанина, рискуете своей головой, мечтая о великой чести стать охоронцем купца-жидовина. Что создали вы на этой земле, что оставите потомкам, если даже мёртвых своих не можете достойно проводить в мир иной и просто бросаете на вершинах холмов в безводной степи, где их пожирают звери и птицы и заносят песком пустынные ветры... – воскликнул Гроза, и тут же услышал странный хрип. – Хазарин дёргался в предсмертной судороге, нож его был в крови, которая толчками исторгалась из его разрезанного горла. – Ну вот, и смерти лёгкой не дождался из-за своего неверия, привыкли всех обманывать, думаете, что и другие такие же лжецы... – с безгливостью и некоторой обидой выговаривал хрипящему в последних судорогах врагу молодой пастух.

Долго сидел Гроза, глядя на распростёртого хазарина, которого столько лет пытался найти и наказать. Всякие кары он придумывал для врага, расправляясь с ним в мыслях, а порой и во снах. И вот он лежит, окровавленный, поверженный и бездыханный, а в душе ни радости, ни торжества победы, – ничего, только гулкая и холодная пустота, несмотря на яркое полуденное солнце. Нет, месть не сладка, она пустая и стылая, как безлюдная зимняя степь. И только обережник, зажатый в кулаке, жжёт, как раскалённый в горниле слиток...

Глава пятая Князь Аскольд

Лета 878, Киев

Юный норманн с трудом удерживался на ногах: с чёрного низкого неба громыхало, шнекар скрипел от натиска огромных пенящихся волн, а холодный ветер рвал убранные паруса и растяжки, намереваясь швырнуть всё, что плохо закреплено, в бездонную морскую пучину. Было жутко противостоять такой могучей и необъятной силе. Пальцы левой руки, намертво вцепившиеся в спасительный канат, пронзала тупая боль.

В сей миг небо треснуло так, что в голове зазвенело, а необычайно яркая вспышка заставила сжаться в комок. Когда малец осмелился взглянуть вверх, то тут же окаменел от страха... о, боги! – из туч с грохотом неслась... бронзовая колесница самого Тора! Она летела сверху неимоверно быстро, козлы, влекущие колесницу, тарасили жёлтые глаза и дико смеялись. Потом козлы превратились в рычащую пасть чудовищного волка Фенрира, которая неотвратимо приближалась. Жуткий страх разрывал маленькое сердце, а грохот барабанные перепонки! Малец отступил назад и вдруг ощутил, что летит вниз с высокого борта корабля прямо в бушующее море. Сердце замерло в ожидании удара о ледяную воду... Он закричал и... проснулся.

За прочными бревенчатыми стенами громко бесновался ливень, и небесный Тор, в самом деле, звучно катал бронзовую колесницу по чёрному небосклону, подсвечивая себе путь серебряными вспышками Мьёлльнира. И шуйца болела по-настоящему, а в чело над правым оком будто забили толстый железный гвоздь, от которого голову пронизывало тупой болью.

«Сколько меня будут преследовать старые боги, и терзать по ночам мою душу, возвращая её, как сегодня, в детство и прошлую жизнь...»

На стоны и крик подскочил спальник, который ночевал тут же в горнице на широкой лаве, усталой пушистыми шкурами.

– Что с тобой, княже, надо чего? – молвил по-словенски Зигурд, сын верного Хродульфа, боярина и начальника личной охраны.

– Нет, Зиги, просто дурной сон, – садясь на ложе и крестясь в дальний угол, где сквозь ночную темноту, иногда вспарываемую белыми отблесками молний, несмело пробивался желтоватый огонёк лампы, освещая суровые лики мрачных святых, ответил по-своему, как говорил только что во сне, тот, кого молодой слуга назвал князем. Перестав креститься, он схватился десницей за чело, где засел проклятый «гвоздь». – Потри мне, – уже словенской речью молвил он. Зигурд принялся перстами медленно и сосредоточенно растирать чело князя вначале над бровями, а потом выше, выше, пока не закончил на затылке. И так раз за разом. От мерных движений рук, умело массирующих голову, становилось легче. Затем спальник привычно обернул левую руку князя, по которой когда-то пришёлся удар франкского меча, краем мехового одеяла.

От тепла чуть отпустило, князь со стоном снова опустился на широкое ложе, предаваясь мыслям, порой столь же неожиданным, как шальные порывы ветра за стенами добротного терема. Видно, от перемены погоды, сопровождаемой небесным грохотом, спалось нынче плохо, ломило суставы. В непогоду всегда откликались много раз промокавшие в давних переходах по бурному морю ноги, а голова, да и всё тело помнили жуткие предрассветные дуновения пронизывающего до последней косточки северного нордвинда, словно он опять на драккаре преследовал китов, неприятелей или отбившихся от каравана купцов. Сейчас бы помогла

мазь из китового воска, да где её возмёшь в Киеве? Надо будет приказать старшему сборщику податей на торговой пристани, как его... вспомнил, Крыга, – пусть разыщет, он же в каждый тюк прибывающего товара суёт свой нос...

Если бы тогда, в детстве, или даже потом, когда он уже был отличным воином и певцом, выжимавшим слезу даже у жестоких, как северный ветер, и беспощадных, как ледяное море, собратьев-викингов, если бы кто сказал, что он станет князем далёкой и сказочной своими богатствами Киевской земли, ха-ха-ха, да он сам не поверил бы!

Картины детства, как волны мимо скрипучих бортов драккара, опять побежали сами собой, сменяя друг друга. Его отец был простой воин, не ярл, даже не кормчий, а мать – из словенских рабынь. И хотя отец признал его сыном, сводные братья и сёстры, да и прочие мальчишки, дразнили его и называли «грязным траллсом».

Приходилось отчаянно драться со многими. Но однажды он уразумел, что побеждать можно не только силой и оружием, но и сообразительностью. А этим, да ещё умением петь, унаследованным от матери, он отличался почти с самого рождения.

Обидчик был на голову выше и опытнее в схватках.

– Что, траллс, хочешь ударить меня, ну, подходи, попробуй! – самодовольно ухмыляясь, раззадоривал противник, которому уже исполнилось десять. Все знали, что в драке на палках мало кто мог его одолеть даже из сверстников, а уж тощему мальцу не справиться и подавно. Пятеро подростков с интересом ждали предстоящей забавы. – Что, рабский сынок, струсил? – Ещё более сузил очи старший.

От ощущения слабости перед противником и возрастающей злости маленький траллс швырнул свою палку в обидчика. Тот чуть присел, уклонившись от брошенного оружия. Смех наблюдавших за поединком резанул мальчика ещё обиднее, чем слова противника. Он в ярости схватил подвернувшиеся камни и замахнулся, метя в голову крепыша, но тот увернулся в одну сторону, а при следующем броске – в другую, крепко стоя на ногах, будто на корабельном настиле. И тут траллс осенило. Он в третий раз сделал вид, что метит камнем в голову, а когда противник снова ловко уклонился, пригнувшись и припав на правую ногу, малец запустил своё оружие точно в его стопу. Старший взвыл, схватился за раненую ногу и тут же получил удар по голове справа, а потом ещё ногой в бок, после чего оказался на земле. Малец мигом оседлал противника и стал бить без всякой жалости, пока его не оттащили, потому что лик обидчика превратился в кровавое месиво. Малого стали побаиваться. А после того как он чистым и звонким голосом спел величальный гимн хёвдингу Олафу по случаю рождения его сына, Олаф приблизил его к себе. И прежний траллс потерял своё имя, он стал Ас-Скальд, Певцом божественных асов. Даже такие жестокие и суровые воины, как ярл Лодинбьёрн, да и сам конунг Олаф Жестокий часто роняли слезу, слушая его песни.

Воспоминания невидимым покрывалом продолжали окутывать мысли, прошлое как будто выплывало из белёсого тумана, проходило перед ним и снова исчезало в призрачной дымке безвременья.

Перед очами бывшего Певца пошли картины последнего похода на Новгородчину. Река Сясь, вырезанное его викингами селение вепсов, всё начиналось хорошо, но... Ночью кто-то незримый, не иначе как злой дух этих несчастных вепсов, убил важного посланца из Ладоги и троих охранников. Из пятерых самых крепких воинов, посланных вдогонку за предполагаемым убийцей, вернулись только двое, куда делись остальные, так и осталось загадкой. Он, Скальд, по приказу конунга Гуннтора, поднимал дух собратьев перед смертельно опасной схваткой, а сам уже чувствовал, как смерть витает над каждым, но снова, как когда-то в детстве, в схватке с более опытным и сильным противником, боги указали ему путь спасения. Он ушёл с тремя десятками викингов. Потом опять было безвыходное положение, когда они неожиданно встретили на переволоке в Западную Двину воинов самого Олафа Жестокого. Оказалось, что Олаф и его словенский сообщник Вадим Храбрый, с которым они подняли восстание против князя

Ререга в Новгороде, убиты, а все дороги перекрыты Ререгом и его воеводой Ольгом-Хвитрбартом, этим беловолосым дьяволом, которого побаивались даже грозные викинги, повелители фиордов. Кругом караулила верная смерть. Но снова боги, которым он пел гимны, подсказали выход. Уцелевших при подавлении восстания викингов и новгородцев, которые избрали его, Скальда, своим конунгом, он увёл вниз по Днепру в Киев. Там он смог стать воеводой киевского князя Дира и жениться на его дочери.

Сон, перемежаемый воспоминаниями, или воспоминания, прерываемые картинами сна, продолжали всплывать из памяти, подобно раненой рыбе, то появляясь на поверхности яви, то уходя в тёмные глубины краткого забытья. Нынешняя буря и хлётский ливень выловили из сонма воспоминаний другую бурю, когда ещё недавно ласковое тёплое полуденное море вдруг преобразилось в злобного могучего зверя.

Его флотилия появилась у берегов Константинополя столь неожиданно, будто морские привидения из самой пучины. Несколько греческих кораблей, пытавшихся преградить вход в бухту, тут же были сожжены или захвачены. Лодьи подошли к берегу, и греческая стража не смогла устоять против яростного натиска его норманнско-киевского воинства. Могучие варяги-лютичи и кияне одним ударом крушили лёгкие щиты и расшвыривали ромейских воинов, будто матёрые волки щенков. Норманны-викинги в яростном желании воинской добычи так же безудержно орудовали клинками, овладевая купеческими лавками и складами с разными товарами на побережье, захватывая в плен юношей и детей, насилуя женщин. Крики, стенания, запах гари и свежей крови и вожаемая добыча, как награда за дерзость воинов – эти звуки и ощущения наполняли душу Ас-Скальда радостным торжеством победителя. Греческие отряды дрогнули и сокрылись за мощными городскими стенами.

С приходом сумерек Скальд велел сесть на лодьи и отойти от причалов, дабы в ночи, отдыхая от трудной сечи, не подвергнуться неожиданному нападению византийцев, хотя опасность такого нападения была не очень велика. Как подтвердили пленённые греки, их армия два дня тому под водительством самого императора Михаила отправилась покорять арабов. Потому нужно спешить и, собрав как можно больше добычи, уйти так же, как и пришли – через море, а не вдоль берегов, как ходят греки.

Перед утром, когда ещё не рассвело, стал крепчать невесть откуда набежавший ветер. Даже в тихой бухте началась болтанка. На то мало кто обратил внимание, ведь вчера так знатно погоняли спесивых и изнеженных византийцев, а сегодня руки чесались продолжить начатое и доверху наполнить лодьи знатной воинской добычей. Некоторые стали выбирать якоря и на вёслах двигаться к берегу, хотя вокруг сгустился не то предутренний туман, не то спустившиеся с неба грозные тучи.

Внутре чёрных туч блеснули первые молнии, злой ветер с яростью принялся рвать белую пену с вершушек вздымающихся волн. Буря возникла столь неожиданно, что лодьи даже не успели войти в конец залива, где волнение было гораздо меньше. Корабли киян стало срывать с якорей и разбрасывать по бушующему морю, будто жалкие щепки, и никакие старания сильных гребцов не могли удержать лодьи на глубине. Та, на которой был Ас-Скальд, то низвергалась вниз, то взлетала на гребень волны, то кренилась на бок так, что вёсла вместо морской воды вспарывали воздух, перемешанный с потоками небесной влаги, а другой борт при этом почти зарывался в пенное море.

– Одесную, одесную правь, братцы, на вёсла налегай шибче, шуйская сторона!.. – командовал, стараясь перекрыть бурю, лодейный начальник из киян, но его слова сразу срывал с уст и уносил прочь шальной ветер. Кормчий и гребцы лишь иногда в промежутках между порывами яростного шквала слышали отрывки его слов, да они были и не нужны, поскольку никто уже не знал, где сейчас море, а где берег и прибрежные скалы. Ещё несколько отчаянных, до разрыва жил, гребков и... треск ломающихся вёсел, крики и стоны воинов, вылетающих за борт, хруст днища и скрежет дерева о камень, скрытый под кипящей плотью моря, вой

взбесившегося ветра и сухой треск молнии, вонзившейся в высокую скалу всего в полусотне шагов, – все слилось в единый вспененный грохот! Весь этот краткий миг впечатался в память, как след матёрого лося в сырую глину.

Ас-Скальд очнулся от ударов по собственным щекам. Внутри мутило, и он, не открывая очей, исторг из себя солёную морскую воду, густую и противную, как нагретый жир. Кто-то рёк над ним на греческом. Сопровождая когда-то купцов, он даже запомнил несколько десятков слов на этом языке. С трудом открыл непослушные веки. Над ним, в самом деле, склонился греческий воин, второй стоял тут же, внимательно наблюдая, как «утопленник» приходит в себя. Потом всех, кого удалось спасти из морской пучины, собрали в большом помещении без окон, похожем на длинный хлев. Снаружи выставили крепкую стражу. Что готовили им византийцы – мучительную смерть под пытками или продажу в рабство?

Ас-Скальд, как никто другой, понимал, сколь плачевна участь проигравших...

* * *

Небесные хляби, наконец, почти истожили свои запасы, но тучи пока не спешили очистить небосвод и освободить среброликую красавицу луну, да беспокойный западный ветер раз за разом налетал на Киев-град, словно злобный Локи, яростно таская за чубы дерева, как будто они были пред ним в чём-то виноваты.

– Принеси свежего ягодного морсу, – велел князь, и спальник вышел. – Всё-таки нужно поручить Крыге найти китовый воск...

Воспоминания продолжали мельтешить перед внутренним взором, как штормовые волны, рождённые западным ветром, швыряя то в одно, то в другое место из прошлого. Вспомнилось, как охотились на китов, как погибали те, кто становился жертвой проделок Локи, из охотника превращаясь в корм для рыб. Потом болью в сердце отозвалось воспоминание о гибели любимого сына при походе на болгар. Снова хмурые воины несли окровавленное тело сына, из ран его истекла вместе с кровью сама жизнь и стекленели глаза... Но настоящий воин должен всегда идти вперёд! И Скальд, сжав зубы, запел гимны, которыми когда-то возжигал дух викингов Олафа Жестокого.

– Всё-таки богам были угодны мои гимны, и мой голос доходил до них, если они столько раз сохраняли меня там, где умирали самые сильные и выносливые воины! – Молвил сам себе бывший Певец. – Даже тогда, в походе на Царьград, когда неожиданная буря разметала корабли, и греки вытащили нас, полуживых, из морских волн, я не только сумел вернуться в Киев, но и получил поддержку Нового бога, по всему, ещё более могущественного, чем старый Один и все его сородичи. Вначале я просто думал, как выкрутиться из безвыходного положения, и согласился принять их веру, полагая, что главное освободиться из полона, а там...

Перед очами вновь возникли те, которые изменили всю его жизнь.

Высокорослые смуглокожие охоронцы ввели Ас-Скальда в большое помещение, где свет падал сверху через множество проёмов в небольшом куполе. В изукрашенном кресле, похожем на трон, в великолепных парчовых одеяниях, расшитых жемчугами, восседал темноволосый муж с проникновенными серыми очами, светившимися умом и властью одновременно. На голове у него была некая корона с крестом. Охоронцы ощутимо толкнули в спину, давая понять, что нужно поклониться. «Неужели это сам император?» – мелькнуло в голове, которая ещё слегка кружилась после царственного мытья и незнакомой еды. А может, её вскружило то великолепие, которое он узрел, проходя по храму святой Софии. Всё было так неожиданно: вместо смертного приговора – приглашение сначала в термы с услужливыми рабами, облачение почти в царские одежды, потом трапеза с изысканными блюдами и вином. Учтивое обращение, сопровождение... Чего от меня хотят эти греки?

Между тем сидевший на величественном троне муж заговорил певучим языком. Стоявший рядом молодой монах с бледным ликом тут же стал повторять его речь словенской.

– Я патриарх Константинопольский именем Фотий, а кто ты и зачем пришёл сюда с воинами?

Завязалась обычная игра в «вопрос-ответ». Скальд с удовлетворением отметил, что ему несколько раз удалось сбить собеседника с толку, а собеседник был именитый – сам патриарх, Верховный Жрец Византии! Который, в свою очередь, поведал, что русские лоды были разметены не обычной бурей, но вызванной гневом Пресвятой Богородицы. После того как он, патриарх Фотий и епископы, с молитвами о защите града совершили обряд опущения в морские воды одежд Влахернской девы Марии.

Патриарх рассказывал о мощи их Империи, основанной на Христовой вере, не преминув упомянуть, как дерзкие и вольнолюбивые язычники становятся послушными овцами византийских пастырей и смиренно выполняют их волю.

«Учите, меня, просвещайте, – хмыкнул под нос на свейском Ас-Скальд. – Мне главное вырваться и увести как можно больше своих воинов, а там посмотрим, чей бог сильнее!»

Дальше дело пошло веселей. Греки обещали мир и дружбу, а также предложили его воинам перейти на службу Империи, особо отличившихся обещали взять не просто в императорское войско или гвардию, но в число личных телохранителей императора! Оплата была предложена столь щедрая, что с полсотни варягов и викингов решили тут же приступить к новой службе. Ас-Скальд не перечил: за наёмников он получил плату золотом. Также в качестве «дорожного» было позволено взять часть из награбленного.

Снабдив необходимым, а также вручив некоторые христианские дары, греки отпустили оставшийся флот Ас-Скальда.

Вернувшись, Скальд быстро восстановил флот и дружину и занялся привычным ему воинским ремеслом: отбивал границы от хазар, имел стычки с уграми, потом подружился с их князем. Расширив и укрепив владения, Ас-Скальд решил опять сходить на Царьград, чьи богатства так и стояли перед глазами. На сей раз он снарядил более трёхсот лодий, а также конную дружину.

Однако новый император Василий Македонянин с патриархом Игнатием встретили их с почётом, приняли Ас-Скальда, как равного себе, в императорском дворце. Опять много рассказали о христианской вере. За трапезой вспомнили прошлый поход и чудо Влахернской девы Марии, затем речь пошла о многих прочих чудесах, творимых именем Христа-Бога Всевышнего и милосердного ко всем, кто к нему прибегает.

Скальд был приятно удивлён таким царским приёмом. Однако утром, проснувшись, он не увидел белого света. Сколько ни тёр глаза, перед ним была темнота, изредка перемежаемая серыми туманными пятнами. Скальд не на шутку перепугался, а с ним его охрана и всё войско. Встревожились и византийцы, огорчённые внезапной болезнью гостя. Не помогали никакие промывания и примочки. «Надо уповать только на помощь Господа Бога Иисуса Христа!» – вздыхали многие. С разрешения Скальда, пришли монахи, стали читать молитвы. Затем явился патриарх Игнатий, опять же с молитвами несколько раз приложил к невидящим очам киевского стратигоса серебряный крест и дал испить святой воды. И о, чудо! Сразу после этого к нему быстро стало возвращаться зрение. Даже могучие воины-варяги из охраны уверовали в силу Нового Бога. И потому никто уже не противился, когда патриарх предложил окреститься.

* * *

Они возвращались из победного похода. Столь удачного итога Скальд даже не мог предположить. Мало того, что не случилось ничего необычного, как в прошлый раз, но не было даже сражения. Царьградцы сами вышли навстречу и вручили богатые дары. Но даже не это

более всего волновало сейчас мысли бывшего скальда. Патриарх Константинопольский Игнатий в конце проникновенной беседы после обряда крещения молвил слова, которые намертво застряли в памяти.

– Теперь ты крещён, а значит, ты наш брат по вере, Николай! С сего часа за тобой сила всей христианской церкви, жаль, что не ты архонт Киева, а этот мягкотелый Дирос...

– С таким мудрым архонтом, как наш новый брат, – молвил сам император Василий Македонянин, – и с помощью единоверцев Империи можно достигнуть многого, и подчинить своей власти все народы, окружающие Киевские земли...

Новый походный шатёр – тоже подарок императора – ярким цветным пологом распростёрся над головой, кажется уже все, кроме недавно сменившихся охоронцев и дозорных, спали. Но мысли, одна заманчивей другой, никак не давали уснуть воеводе Аскольду: «...жаль, что не ты архонт Киева...» – снова и снова звучали слова Патриарха, и им вторили слова императора: «...с помощью единоверцев Империи можно достигнуть многого...». Ещё недавно казалось, что он взлетел очень высоко – от простого скальда до первого киевского воеводы, и вот теперь впереди такие высоты, что захватывает дух. Он хорошо научился чувствовать и понимать людей, – эти высокородные византийцы, они ведь нуждаются в нём, Аскольде, а значит...

– Эй, кто там, кликни Хродульфа! – велел охоронцу у входа в шатёр воевода. Заспанный начальник личной охраны пришёл, едва сдерживая зевоту.

– Когда же ты спишь, Скальд, переход был длинным, все устали, а у тебя ни капли сна в очах, – искренне удивился верный помощник во всех тайных делах.

– Мне нужно много думать, Хроди, – он по привычке хотел добавить «и говорить с богами», но вовремя вспомнил, что уже христианин, а значит, находится под покровительством ещё более могущественного бога, нежели старые божества норманнов. – Например, я думаю о том, что ты мог бы стать боярином и начальником Тайной стражи Киева, – вполголоса обронил Скальд, чтобы не услышал охоронец у входа.

– Я, а как? Ты уговоришь Дира? – удивился верный соратник, тоже понижая голос.

– Можно вообще никого не уговаривать, если князя вдруг не станет, – ещё тише, почти одними губами, ответил Скальд.

* * *

Норманнские боги остались в прошлом, как и маленький траллс, и даже Ас-Скальд. «Теперь, как учат греческие священники, я призван самим Христом обратить в его веру подвластных мне славян и создать державу, которая не позволит Римской церкви, а вкупе с ней и бывшим собратьям – свеям, данам с норвегами, франкам и прочим западным народам, искажающим великое учение Христа, как пояснил византийский патриарх, продвинуться на Восток и Север. Моё оружие теперь – новая истинная вера, которой будет принадлежать весь мир! И это мне подходит, как говорят славяне, «по плечу и кафтан». Олаф, Лодинбьёрн, – теперь они кажутся такими мелкими и никчёмными, и их давно нет. А я есть!» – Несколько погрубевший за прошедшие годы, но вовсе не утративший живости мысли, бывший Ас-Скальд, а ныне Аскольд, великий князь Киевский, с удовольствием выпил ковш морсу, принесённый спальником, и велел ему одевать себя.

Во всём стараясь походить на обожаемую им теперь Византию, Аскольд завёл у себя спальников, постельничих, виночерпиев, даже пару евнухов! Повелел украсить гридницу богатыми коврами, вазами, золотой и серебряной посудой и дорогими заморскими клинками, обильно отделанными камнями, слоновой костью и перламутром. Собственное одеяние и парадное вооружение его тоже блистало роскошью, лишь только потайной нож, по привычке носимый под одеждой, остался прежний. Его всё равно никто не видит, а надёжность и удоб-

ство лишённого всякого украшения клинка было подтверждено не однажды в схватках. Скальд не расставался с ним, как с частицей самого себя прежнего, а может и не только прежнего. В редкие мгновения одиночества, сжимая рукоять старого ножа, он остро ощущал некую связь между собственной жизнью и этим клинком, мистическую и неясную, но прочную до дрожи и холода между лопаток.

Пока проворные спальники облачали князя в парчовую одежду, отделанную мехом горностаев, Аскольд продолжал находиться под впечатлением воспоминаний, так неожиданно нахлынувших на него среди грозовой ночи. «Может, послать кого из верных людей в свой родной вики, чтобы привезли сюда отца и мать, пусть бы они порадовались за сына и хоть остаток дней прожили в настоящем тереме, а не в своей жалкой полуземлянке для скота, – мелькнуло было в мыслях. – Хотя вряд ли они живы. Да и братья прознают, не хватало мне здесь ещё родственников и соперников...»

– Княже, к тебе княгиня пожаловала и митрополит греческий для свершения утреннего восславления...

– Зиги, сколько раз тебе говорить, не «восславления», а заутреней молитвы к господу нашему Иисусу Христу! – недовольно оборвал молодого слугу Аскольд.

Всё-таки хорошо, что по примеру византийскому он отделил женскую половину терема, и Росава не видела его ночной слабости. Да и отношения у них в последнее время более чем прохладные.

В специально отведённой для молитв светлице князь сдержанно приветствовал княгиню, приближённых и митрополита Михаила с епископом Серафимием, которые готовились к заутрене.

Митрополита Михаила и шестерых епископов прислал в Киев патриарх Фотий, недавно вновь взошедший на патриарший престол в Константинополе, после смерти Игнатия.

Перед изображением Христа на специальном столике, инкрустированном жемчугом и перламутром, лежали дары патриарха Фотия: большая книга Евангелия в переплёте из тиснёной кожи в тяжёлом окладе, и справа от неё свиток пергамента Псалтири, заключённый в резной футляр из красного дерева, отделанный слоновой костью. Обе книги, как пояснил, вручая их Киевскому князю, митрополит Михаил, есть чрезвычайная духовная ценность, потому как несёт слово Божье словенской речью, которую разумеют и русы, и болгары, и хорваты, и другие племена и народы Руси, Балкан, Моравии и Восточной Европы. А это значит, что вера христианская теперь станет распространяться через эти книги во все стороны мира славянского, подобно кругам на воде от брошенного в неё камня.

Князь стал на молитву, и утренняя служба началась. Митрополит Михаил Сирин, бывший по происхождению сербом, стал читать по-словенски из большой книги. Когда дошла очередь до псалмов, митрополит уже привычно предложил князю прочесть один из них. Аскольд стал перед народом и чистым сильным голосом пропел стих. В привычной к запоминанию гимнов и саг памяти бывшего скальда хранилось много песен и легенд, потому он довольно быстро запомнил новые. Как-то, придя к ежедневной молитве чуть раньше обычного, Михаил Сирин услышал, как кто-то в молельной комнате чистым и ровным голосом поёт один из псалмов. Он замедлил шаги и прислушался. Голос то взлетал вверх, то приглушённо затихал, но самое главное было даже не в искусстве певца, а в том, что вместе с голосом в слушателя входила некая сила, заставляющая забыть на какое-то время обо всём, кроме этой песни. С тех пор князь Аскольд иногда исполнял роль псаломщика, что он делал весьма охотно, наслаждаясь стихами об Иисусе, как прежде гимнами Тору, Одину и другим скандинавским богам.

Митрополит привёз для Аскольда не просто личный подарок от патриарха – Евангелие, писанное русскими письменами – но сильное оружие, мощь которого, пожалуй, в полной мере понимал только сам Фотий. Оно уже помогает при крещении здешних россов, которые просто

млеют телом и расслабляются душой, когда слышат необычные слова Священного Писания на родном языке.

Митрополит потихоньку учит местный люд славянской азбуке. Хотя Аскольду и варягам сия азбука даётся плохо: они-то привыкли к рунике.

С теми же приближёнными князь уселся за утреннюю трапезу. Стоящие поодаль слуги были готовы тотчас исполнить любое его повеление. Как эта жизнь не похожа на полную опасности и лишений жизнь северного викинга, даже не верится, что это была его, а не чужая жизнь! «Ничего, это только начало новой великой миссии, как говорит митрополит Михаил, – князь на миг взглянул на трапезничающего священника. – Только вот этих колдунов, называемых здесь волхвами, нужно обуздать, ведь им ни деньги, ни золото не нужны, а просто убить – начнутся волнения и смуты, что уже едва не случилось, когда убрали этого, как его... Хорыгу! Только его, Скальда, природная изворотливость и наивность русов, их вера слову, помогли избежать большой крови и бунта. Всё из-за того, что сей волхв стал болтать народу, что якобы смерть князя Дироса была не случайной. Эта весть дошла и до жены, которая приходилось покойному дочерью... – князь скользнул взором по молчаливой стати Росавы, одетой в тёмное. – Тогда и поселилось в её глубоких очах недоверие. А после смерти сына и вовсе стала замкнутой и подозрительной... Ничего, у него крепкая верная дружина, безоговорочно принявшая по его слову Христову веру, поддержка византийских епископов, уж они-то знают толк в сих делах. А дальше пойдёт быстрее: кто не становится христианином, не получает боярского звания или продвижения по службе. Купцам-христианам – меньшие налоги, язычникам – жёсткое наказание за всяческую провину. В Киеве удалось окрестить почти половину людей, остальные притихли и стараются меня не злить. На окраинах, правда, ещё много работы, но ничего, поздней осенью я не просто пойду в полюдье собирать дань, но начну крестить заблудших язычников всех подчинённых Киеву земель. Уже готовы греческие епископы, иноки-изведыватели пойдут впереди дружины и под личиной смиренных слуг христовых станут выяснять, кто и какими силами готов воспротивиться крещению. Если недовольных будет много, вступят в разговор клинки княжеской дружины. С нынешней осени начнётся большое крещение, и с Божьей помощью станет Русь послушной Христу, как овцы пастырю. А здесь пастырь для них – я, Аскольд, князь Киевский, не напрасно принявший в крещении имя Николаос – что значит «победитель народов»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.